

ОЛДОС

ХАКСЛИ

И ПОСЛЕ МНОГИХ ВЕСЕН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Олдос Хаксли

И после многих весен

«Издательство АСТ»

1939

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Хаксли О. Л.

И после многих весен / О. Л. Хаксли — «Издательство АСТ»,
1939 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133053-8

Роман «И после многих весен» — история об эксцентричном миллионере, живущем в роскошном голливудском замке и решившем любой ценой заполучить бессмертие, — обретает под гениальным пером Хаксли черты то социальной сатиры, то философской притчи, то вполне реалистичного «романа нравов». Быть может, амбициозный богач Джо Стойт запутался в собственных иллюзиях? Быть может, цена, которую он готов заплатить за вечную жизнь, слишком высока? На эти и многие другие вопросы читателю предстоит найти ответы вместе с героями книги. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133053-8

© Хаксли О. Л., 1939
© Издательство АСТ, 1939

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олдос Хаксли

И после многих весен

*Леса роняют желтую листву,
Рыдает небо, землю поливая.
Поля убрали. Лег работник под ботву,
И после многих весен лебедь умирает.*

Теннисон

Часть I

Глава 1

Обо всем договорились телеграммами: Джереми Пордейджу предстояло отыскать шофера-негра с гвоздикой в петлице серой форменной куртки, а негр будет высматривать англичанина средних лет, у которого в руках том стихов Вордсворта. Народу было полно, однако нашли они друг друга без труда.

– Вы от мистера Стойта?

– Сар? Мистер Пордейдж, сар?

Джереми кивнул, потянувшись к встречавшему – в одной руке Вордсворт, зонтик в другой, жест манекена, впавшего в самоуничижение: ему ведомо, как он несовершенен, как жалок и смешон, особенно в этом нелепом своем одеянии. «Незавидная внешность, – словно говорил он, – но вот я, уж каков есть». Профилактическое умаление собственной персоны, служившее формой самозащиты, давно вошло у него в привычку. Всегда выручает. Вдруг ему пришла неожиданная мысль. Он забеспокоился: а ну как на этом их демократичном Дальнем Западе принято подавать шоферу руку, тем более когда шофер из цветных, самый случай доказать, что никакой ты не сагиб, пусть твоей стране приходится волочь на себе Бремя Белых. Ладно, обойдется, решил он. Верней, вынужден был так решить, – вечная история, сказал он про себя, извлекая своего рода порочное наслаждение, когда выпало лишний раз удостовериться в присущих ему недостатках. Пока он размышлял в таком духе, шофер снял кепи, поклонился, чуть пережимая в стараниях выглядеть настоящим черным слугой, какие водились в старину, и, обнажив в улыбке половину зубов, сказал:

– Милости просим в Лос-Анджелес, мистер Пордейдж, сар! – А потом оставил актерство и, сменив интонацию, доверительно сообщил: – Я бы вас по голосу, мистер Пордейдж, узнал, даже без книжки этой.

Джереми засмеялся чуть смущенно. За неделю, что он провел в Америке, о голосе заставляли его вспоминать постоянно. Негромкий, мелодичный – так в английских храмах поют вечернюю молитву, – голос сразу выдавал в нем питомца колледжа Святой Троицы, окончившего Кембридж лет за десять до Большой войны. Дома никто не обращал внимания, как он звучит. И подшучивать по этому поводу, как посмеивался он, оберегая себя, над своей внешностью или, допустим, над тем, что стареет, Джереми никогда не приходило на ум. А здесь, в Америке, все по-другому. Стоит заказать кофе или спросить, где уборная (в этом странном государстве никто, правда, не говорит «уборная»), как на него тут же уставятся с насмешливым любопытством, словно он какая диковина, экспонат комнаты смеха. Ужасно неприятно, что и говорить.

– Куда же носильщик запропастился? – поспешил он сменить тему.

Через несколько минут тронулись в путь. Забившись в уголок на заднем сиденье с надеждой, что шоферу теперь будет не до разговоров, Джереми Пордейдж отдался – как хорошо! – созерцанию. За окнами машины проносилась Южная Калифорния; ну что же, присмотримся повнимательнее.

Первое, что он увидел, была трущоба, населенная африканцами и филиппинцами, мексиканцами, японцами. Боже, что за пестрота, что за сочетания черного, желтого, коричневого! Что за невероятные бастарды! А девчонки – какая прелесть, и все в платьях из искусственного

шелка. «И негритянки в белом шелке до колен». Самая его любимая строчка в «Прелюдии»¹. Джереми улыбнулся. А трущоба осталась позади, и уже высились громады делового квартала.

Лица на улицах посветлели. Лавки виднелись на каждом углу. Мальчишки выкрикивали заголовки первой полосы: «Франко наступает на Барселону». Девушки на тротуарах почти все, казалось, нашептывают молитву, но, вскоре сообразил Джереми, не в созерцание они погружены, просто жуют не переставая. Резинка вместо Бога. Машина неожиданно нырнула в туннель и вылетела из него в другой мир – просторный, неприглаженный, мир пригородов, рекламных щитов, заправочных станций, низеньких домиков, укрывшихся в саду, пустырей, свалок, там и сям попадавшихся магазинчиков, контор, церквей: первоученические, выстроенные – какой сюрприз! – в стиле гранадских Чертогов, католические – подражания Кентерберийскому собору, синагоги – имитация Айя-Софии, молельни последователей Христианской науки – эти украшены колоннами на цоколе, совсем как банк. Было раннее зимнее утро, но солнце сияло ослепительно – на небе ни облачка. Машина катила к западу, и лучи, разгоравшиеся сзади, высвечивали, как прожектором, все эти здания, щиты, зазывные надписи – точно специально старались показать новому человеку, в каких местах он очутился.

ДАВАЙ ЗАКУСИМ! КОКТЕЙЛИ. НОЧЬЮ ТОЖЕ РАБОТАЕМ

ПИВО «ДЖУМБО»

ВКЛЮЧАЙ МОТОР, ПРОЕДЕШЬ ВСЮДУ! ЛУЧШИЙ БЕНЗИН «КОНСОЛЬ»

ПАНТЕОН «БЕВЕРЛИ». ПРЕКРАСНЫЕ ПОХОРОНЫ НЕДОРОГО

Машина неслась вниз, и посреди пустого поля мелькнул ресторан – дом в форме сидящего бульдога, вход между передними лапами, по яркому фонарю в обоих глазах.

«Зооморфизм, – неслышно пробормотал Джереми, и снова: – Зооморфизм». У него, ученого педанта, было пристрастие к таким словам. Бульдог сгинул в вечность.

АСТРОЛОГ, ВЫЧИСЛЯЮ СУДЬБУ, УГАДЫВАЮ ХАРАКТЕР

СВЕРНИ! ОРЕХОВЫЕ КОТЛЕТЫ – что это за штука? Попробует при первой же возможности, решил он. Порцию ореховых котлет и пиво «Джумбо».

ОСТАНОВИТЕСЬ! ЛУЧШИЙ БЕНЗИН «КОНСОЛЬ»

Шофер вдруг и правда остановился.

– Десять галлонов самого-самого, – сказал он; потом, повернувшись к Джереми, добавил: – Наша фирма. Мистера Стойта, то есть. Он президент, – и указал на щит, стоявший напротив.

«ЗАЙМЫ НАЛИЧНЫМИ. ОБСЛУЖИВАЕМ ЗА ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ, – прочел Джереми. – ГОРОДСКАЯ ФИНАНСОВАЯ КОРПОРАЦИЯ. СОВЕТЫ, ВЕДЕНИЕ ДЕЛ».

– И эта тоже наша, – с гордостью пояснил шофер.

Поехали дальше. С гигантского щита смотрело лицо красивой молодой женщины, омраченное, словно лик Магдалины, печалью. **«ПРОЩАЙ, ЛЮБОВЬ! – гласила надпись. – НАУКА ДОКАЗАЛА: 73 ПРОЦЕНТА ВЗРОСЛЫХ СТРАДАЮТ КАРИЕСОМ».**

В МИНУТУ СКОРБИ ПУСТЬ УТЕШИТ ВАС ПАНТЕОН «БЕВЕРЛИ»

ПОДТЯЖКА КОЖИ. ПЕРМАНЕНТ. МАНИКЮР. САЛОН КРАСОТЫ «У БЕТТИ»

Рядом с салоном красоты он заметил вывеску «Вестерн юнион»². Господи, чуть не забыл! Телеграмма матери... Джереми наклонился к шоферу и извиняющимся тоном, которым всегда разговаривал со слугами, попросил на минуту остановиться. Свернули к стоянке. Джереми вылез и с выражением озабоченности, написанным на невыразительном кроличьем лице, поспешил через улицу к телеграфу.

«Миссис Пордейдж, усадьба „Араукарии“, Уокинг, Англия», – писал он, улыбаясь, на бланке. Его всегда смешила изысканная абсурдность этого адреса. Араукарии в каком-то

¹ «Прелюдия» – поэма У. Вордсворта (1805). – Здесь и далее примечания переводчика.

² «Вестерн юнион» – телеграфная компания.

Уокинге. Когда было куплено это поместье, мать собиралась подобрать какое-нибудь другое название, – это уж слишком откровенно мещанское, получается юмор совсем в духе Хилэра Беллока³. «Но в том весь шарм! – запротестовал он. – Это же очаровательно». И постарался убедить ее, что людям, как они, именно и подобает жить в усадьбе с таким именем. Восхитительный комический эффект от несоответствия названия усадьбы и характера ее обитателей! И есть некая прелестная, некая извращенная гармония в том, что старая приятельница Оскара Уайльда, язвительная, высокопросвещенная миссис Пордейдж сочиняет свои блестящие письма под сенью «Араукарий», что под этими же араукариями, чьи кроны украсили какой-то, прошу заметить, Уокинг, создаются труды, в которых ученость сдобрена вяловатым, но утонченным юмором, принесшим определенную репутацию ее сыну. Миссис Пордейдж сразу поняла, куда клонится его мысль. Хвала Всевышнему, нет нужды растолковывать ей, что да зачем. Можно просто намекнуть, небрежно оборвав фразу на полуслове, – она обязательно поймет. «Араукарии» так «Араукариями» и остались.

Написав адрес, Джереми помедлил, в задумчивости нахмурился и уже было воспроизвел знакомую картинку с покусыванием карандаша, однако оказалось, что этот карандаш увенчан латунным колпачком да к тому же закреплен цепочкой на стойке. «Миссис Пордейдж, усадьба „Араукарии“, Уокинг, Англия», – вслух прочел он в надежде, что эти слова подвигнут его сочинить текст корректный и безупречный, какого от него и ждала матушка, – одновременно ироничный и нежный, содержащий с юмором выраженное чувство настоящей преданности ей, признание материнского права им командовать и легкую насмешку над этими ее стремлениями, чтобы старушка могла успокоить совесть, сочтя сына совершенно свободным человеком, а саму себя кем угодно, только не тираном. Трудно все это выразить, особенно карандашом, закрепленным на цепочке. После нескольких неудачных попыток он удовольствовался вот этим посланием, прекрасно понимая, что результат неудовлетворителен: «Субтропический климат позволяет нарушить зарок касательно белья тчк радовался бы твоему присутствию здесь ради меня тебе трудно достоинству оценить этот недоконченный Борнмут немислимых размеров тчк».

– Что недоконченный? – спросила девица, сидевшая за окошком.

– Б-о-р-н-м-у-т⁴, – продиктовал Джереми. Он улыбнулся; за бифокальными стеклами очков моргнули голубые глаза, и движением совершенно неосознанным, автоматически повторяемым всякий раз, как рождалась одна из его шуточек, он прикоснулся к лысине на самой макушке. «Ну, вы знаете, – выговорил он с особенной мелодичностью, – слышали, наверное, есть такой мутный заливчик, куда ни один корабль не пристанет, разве что деваться будет некуда».

Девушка уставилась на него пустыми глазами, а затем, догадавшись по выражению лица Джереми, что было сказано нечто забавное, да вспомнив девиз «Вестерн юнион» – вежливость во всем, – одарила его ослепительной улыбкой, которой явно добивался старый болван, и дочитала: «Желаю приятных дней Грасе тчк нежно целую Джереми».

Стоила телеграмма недешево, но, к счастью, подумал он, убирая в карман бумажник, к счастью, мистер Стойт платит ему сверх всякой меры щедро. Контракт на три месяца, шесть тысяч долларов. Что с того, что потратился?

Он вернулся к машине, и снова покатили. Позади оставались миля за милей, а пригороды тянулись нескончаемо – домики, заправочные станции, пустыри, церкви, магазины. И слева, и справа до самого горизонта тянулись жилые кварталы, высились пальмы, перечные деревья, акации.

ОБЕД ПЕРВЫЙ КЛАСС, МОРОЖЕНОЕ КИЛОМЕТР ВЫСОТОЙ

³ Беллок, Хилэр (1870–1953) – английский романист, популярный у обывателей.

⁴ Борнмут – курорт на южном побережье Англии.

ХРИСТОС СПАСИТЕЛЬ ГАМБУРГЕРЫ

Зажегся красный сигнал светофора. К окну подбежал мальчишка с газетами. «Франко утверждает: „Большие успехи в Каталонии“» – прочел Джереми и отвернулся. Мир стал ужасен до такой степени, что ему это просто скучно. Из остановившегося перед ними автомобиля вышли две старухи с завитыми перманентом сединами, обе в штанишках малинового цвета, у каждой по йоркширскому терьеру на руках. Собак опустили на землю у светофора. Пока они раздумывали, воспользоваться ли предоставившимся удобством, вспыхнул зеленый свет. Негр включил первую скорость, машина покатила вперед, в будущее. Джереми думал о матери. Как на грех, у нее ведь тоже йоркширский терьер.

ОТЛИЧНЫЕ ЛИКЕРЫ СЭНДВИЧ С ИНДЕЙКОЙ ПОМОЛИСЬ В ЦЕРКВИ – ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ ВСЮ НЕДЕЛЮ ПРОЦВЕТАНИЕ БИЗНЕСА – *ВАШЕ* ПРОЦВЕТАНИЕ

Мелькнуло еще что-то зооморфное, на сей раз офис торговца недвижимостью, неотличимый от египетского сфинкса.

ИИСУС ПРИДЕТ СКОРО ХОЧЕШЬ ОСТАТЬСЯ НАВСЕГДА ЮНОЙ? ЛИФЧИКИ «ТРИЛФОРМ» ПАНТЕОН «БЕВЕРЛИ». КЛАДБИЩЕ *НЕ* КАК ДРУГИЕ

Негр, похожий на торжествующего Кота в сапогах, который похвастается сокровищами маркиза Карабаса, покосился через плечо на Джереми и, указывая на этот рекламный щит, сказал:

- Тоже наше!
- Вы о Пантеоне «Бeverли»?

Шофер кивнул.

– Самое лучшее в мире кладбище, уж это точно, – сказал он и, с минуту помедлив, добавил: – Вам, наверно, посмотреть охота? Вообще-то нам по пути.

– Очень было бы любопытно, – ответил Джереми со всей своей английской воспитанностью. Потом, решив, что надо бы выразить испытываемые им чувства живее и демократичнее, откашлялся и, постаравшись, чтобы прозвучало совсем по-местному, выговорил: «Полный блеск». Произнесенная его кембриджским, в колледже Святой Троицы приобретенным выговором, фраза прозвучала до того ненатурально, что от смущения он чуть не залился румянцем. К счастью, шофер, слишком занятый маневрами на шоссе, ничего не заметил.

Свернули направо, во весь опор понесли мимо молельни розенкрейцеров, ветеринарной лечебницы, еще одной больницы для кошек и собак, училища, где готовили барабанщиц для парадов; потом щит, и еще щит с рекламой Пантеона «Бeverли». Когда по бульвару Сансет поехали влево, Джереми заметил девушку, которая шла за покупками в ртутного оттенка голубом купальнике без бретелек, – сверху был наброшен жакет из черного меха, волосы цвета платины. Но и она тут же исчезла, канув в вечность.

Теперь катили по дороге у подножия крутых холмов, и по обе стороны теснились маленькие, очевидно, дорогие магазинчики, ресторанчики, ночные клубы, – жалюзи опущены, пока не уйдет солнце, – офисы, виллы. А потом пропадали из виду, тоже становясь невозвратимыми. Дорожный знак оповещал, что миновали черту города Беверли-Хиллз. Пейзаж изменился. Дорога петляла среди садов, за которыми виднелись роскошные особняки. Сквозь деревья Джереми различал фасады домов – почти сплошь новых, почти неизменно свидетельствовавших, что архитекторы были люди со вкусом; элегантные, изящные подражания замкам, прославившим Лаченса⁵, этикие миниатюрные трианоны и монтичелло, легкомысленные пародии на

---

⁵ Лаченс, Эдвин Ландсир (1864–1944) – английский зодчий.

Корбюзье с его громоздкими уютными для жилья, полные фантазии мексиканские постройки, напоминавшие настоящие асьенды, или фермерские жилища – прямо Новая Англия.

Повернули направо. Шоссе шло под сенью гигантских пальм. Заросли пышной травы светились под солнцем красноватым отблеском. Виллы сменяли одна другую, словно павильоны на бесконечной международной выставке. За Глостерширом возникала Андалузия, в свою очередь уступая место Турению и Оахаке, Дюссельдорфу и Массачусетсу.

– Тут Гарольд Ллойд живет, – сказал шофер, показывая на палаццо, точно бы перенесенное из садов Боболи⁶. – Тут Чарли Чаплин. А вон там, видите? – там Пикфэр.

Дорога круто взмыла вверх. Через укутанную тенью впадину шофер указал на противоположном холме что-то наподобие покоев тибетского ламы.

– А это, сар, владение самой Джинджер Роджерс. Точно так, сар. – И, не отпуская руля, расплылся победительной улыбкой.

Еще шесть-семь поворотов, и автомобиль оказался на вершине. Внизу под ними простиралось ровное пространство, а город, видный отчетливо, как на карте, исчезал вдаль, растворяясь в розовой дымке.

Впереди и справа, и слева высились горы – хребет за хребтом, насколько видит глаз, этакая Шотландия, только обезвоженная и безлюдная, раскинувшаяся под голубым небом пустыни.

Обогнули оранжевого цвета уступ, и тут совершенно неожиданно открылась невидимая прежде скала, которую венчала электрическая надпись гигантскими буквами: «ПАНТЕОН „БЕВЕРЛИ“. КЛАДБИЩЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ», – неоновые трубки были высотой по шесть футов, а на самом гребне красовалась воспроизведенная в натуральную величину Пизанская башня, только она не падала.

– Видали? – спросил негр возбужденно. – Башня Воскресения. Двести тысяч долларов, вот она сколько стоила. Двести тысяч, сар, так-то. – В его голосе звучал неподдельный восторг. Оставалось заключить, что всю эту сумму он выложил из своего кармана.

---

⁶ Боболи – вилла и знаменитый парк на окраине Флоренции.

Глава 2

Час спустя они двинулись дальше, успев осмотреть все. Абсолютно все. Сбегающие вниз лужайки, словно зеленые оазисы среди выжженных гор. Тенистые рощи. Памятники, высящиеся над травой. Участок для кошечек и собачек, украшенный мраморной группой в подражание «Гордости и дерзости» Ландсира⁷. Миниатюрную Часовенку Поэта – уменьшенное воспроизведение Св. Троицы в Стратфорде-на-Эйвоне, включая надгробие Шекспира и органную музыку двадцать четыре часа в сутки – запись, автоматически воспроизводимая на аппарате фирмы «Вурлицер» и слышимая по репродукторам в любом уголке кладбища.

Кроме того, за ризницей были еще Покои невесты (поскольку в Часовенке совершалось и венчание, и погребенье), причем Покои невесты, сообщил шофер, недавно обставили наново, сделав неотличимыми от будуара Нормы Ширер из фильма «Мария Антуанетта». И еще, рядом с Покоями невесты, была облицованная великолепным черным мрамором Галерея праха, которая вела к крематорию, где в трех новейшей конструкции нефтяных печах всегда поддерживалось пламя, чтобы никакие чрезвычайные обстоятельства не застали врасплох.

Сопровождаемые неотступными трелями «Вурлицера», они съездили взглянуть и на Башню Воскресения, но только снаружи, потому что в ней располагался директорат Кладбищенской корпорации Западного побережья. Осмотрели Детский уголок, где красовались статуи Питера Пэна и Младенца Иисуса, а гипсовые отроки играли с медными зайцами, и цвели лилии на пруду, и было устройство, называвшееся Фонтан радужной музыки, – высоко били водяные струи, одновременно вспыхивали разноцветные огни и повизгивал неотвратимый «Вурлицер». А вслед за тем, уже наспех, – Сад Отдохновения, Маленький Тадж-Махал, Европейский колумбарий. И под конец, словно шофер специально приберегал это высшее и непрекаемое свидетельство величия своего патрона, – сам Пантеон.

Полно, убеждал себя Джереми, да быть не может, чтобы подобное существовало на земле. Разумеется, это невероятно... Пантеон «Беверли» был нечто невообразимое, решительно не укладывающееся в его фантазии. Но теперь мысль, что такое возможно, уже не оставляла его, и значит, он это действительно видел. Закрыв глаза, чтобы не мешал проносившийся за окнами пейзаж, Джереми восстанавливал в памяти деталь за деталью это неправдоподобное зрелище. Архитектурное решение, вдохновленное «Островом мертвых» Бёклина. Закругленный вестибюль. Копия роденовского «Поцелуя», подсвеченная розовыми лучами. За нею пролеты лестницы из темного мрамора. Восьмирусный колумбарий, бесконечные галереи, могильные плиты ряд за рядом. Бронзовые и серебряные урны с прахом – настоящая выставка спортивных трофеев. Витражные окна в стиле Бёрн-Джонса. Надписи, высеченные в мраморе. Звуки «Вурлицера» на каждом этаже. Скульптуры...

Вот они всего фантастичнее, подумал Джереми, не открывая глаз. Скульптуры преследовали его почти так же неистово, как «Вурлицер». Куда ни взгляни, обязательно статуя. Сотни и сотни статуй, которые, надо думать, закупили оптом где-нибудь в Карраре или Пьетрасанте в мастерских монументального искусства. И неизменно – обнаженная плоть, и только женская, и пышности совершенно необычайной. Такими изваяниями всего бы лучше украсить зал дорогого борделя в Рио-де-Жанейро. «Смерть! Где твоё жало?» – написано было по мрамору при входе в каждую галерею. Безмолвные статуи, с предельным красноречием отвечая вопросившему, крепили его дух. Девы, чей наряд ограничивался поясом, накрепко впечатанным в паросские тела, чтобы достичь выразительности, как у реалиста Бернини. Склоненные юные дамы: одни стыдливо прикрылись ладошками, другие вольготно вытянулись на ложе, а эти словно мучимы пароксизмом, а те, выпятив попку, нагнулись, чтобы завязать шнурок

---

⁷ Ландсир, Эдвин Генри (1802–1873) – английский художник-анималист.

на сандалии, и вот еще – откинувшиеся на скамье. Юные дамы с голубками, с пантерами, с другими юными дамами – глаза возведены горе, говоря о пробуждении души. «Я есмь Воскресение и Жизнь, – вещали надписи. – Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться». Ни в чем, будь то хоть «Вурлицер», хоть дева в туго впечатанном поясе. «Смерть победою поправ», – не победою духа, но торжеством тела, хорошо откормленного тела, навсегда юного, навеки атлетичного, непреходяще притягательного. В мусульманском раю коитус длится шесть столетий. А в этих новых христианских куцах не прервется всю тысячу лет, да сколько других радостей – теннис нескончаемый, и гольф вековечный, и бассейн неусыхающий.

Машина вдруг нырнула вниз. Открыв веки, Джереми обнаружил, что почти кончились горы, среди которых был воздвигнут Пантеон.

Дальше тянулась рыжевато-голубого цвета долина, на которой выделялись зеленые квадратики поместий и белые домики. А с другой стороны, милях в пятнадцати-двадцати, на горизонте теснились розоватые холмы.

– Где мы? – спросил он.

– Долина Сан-Фернандо, – сказал шофер. – Там вон, – он показал на участок посередине, – дом Граучо Маркса. Да-да, сэр, того самого.

У подножия холма повернули налево и покатали по широкому шоссе, асфальтовой лентой среди загородных вилл прорезавшему долину. Шофер прибавил газа; щиты сменяли один другой с головокружительной скоростью. МОРОЖЕНОЕ ЭКСТРА ОБЕД ТАНЦЫ В ОТЕЛЕ «ГОНОЛУЛУ» ИСЦЕЛЯЕМ ДУХ ТАКЖЕ ИРРИГАЦИОННАЯ СИСТЕМА КИШЕЧНЫЙ ТРАКТ СОСИСКИ «БОКЛОНГ» КУПИТЕ ДОМ СВОЕЙ МЕЧТЫ СЕГОДНЯ. А дальше, за щитами – геометрически четкие ряды абрикосовых и ореховых деревьев, и они тоже исчезли бесследно, и промельками набегали, пропадая, едва различимые картины, как будто кто-то стремительно раскрывал и запахивал раскрытый веер.

Сменяли друг друга бесконечные апельсиновые рощи – темно-зеленое с золотом, словно поблескивало под солнцем шитье на мундирах полка, растянувшегося в марше на километры. Вдали горы вычерчивали свою непостижимую диаграмму взлетов и обвалов.

– Тарзания, – вдруг объявил шофер; и действительно, над шоссе было протянуто полотнище, на котором белыми буквами вывели это название. – Вот он, колледж Тарзания, – сказал негр, указывая на несколько зданий в испанском колониальном стиле, теснившихся вокруг базилики, которая напоминала о римских соборах. – Мистер Стойт им недавно новый корпус построил, не слышали?

Взяв направо, ехали теперь не такой оживленной магистралью. Апельсиновые рощи кончились, вместо них несколько миль тянулись просторные поля люцерны и еще какой-то остро пахнувшей травы; потом опять пошли плантации, и апельсины выглядели еще роскошнее, чем прежде. Горы по северной границе долины придвинулись ближе, а с запада набегал другой хребет, четко видимый в левое окно. Автомобиль шел на полной скорости. Дорога резко повернула, словно нацеливаясь туда, где должны были сомкнуться обе горные цепи. В просвете между садами Джереми Пордейджу неожиданно открылось поразительное зрелище. Примерно в полумиле от гор, как остров невдалеке от скалистого побережья, круто взмывал вверх каменный холм, и казалось, что между ним и равниной разверзлись пропасти. А на самой вершине утеса, точно бы цветущий куст, выросший из гранитных плит, виднелся замок. И какой! Главная башня была размерами в небоскреб, стены сбегали вниз мощно и без усилий, как поток, несущийся по бетонному руслу. Чистая готика, средневековые, баронская цитадель – но дважды укрепленная, готическая до того, что готике как бы придали особую силу, средневековая больше, чем любой памятник тринадцатого столетия. Ведь это... это Сооружение, как Джереми, не подыскав другого слова, про себя его обозначил, выглядело средневековым не в силу

вульгарной исторической неизбежности, как замки наподобие Куси или там Олнвика⁸, нет, средневековым его сделали просто из каприза или по настроению, можно сказать, платонически. Такое средневековье могло пригрезиться лишь остроумному архитектору, который пожелал возвести нечто старинное и ни о чем другом не заботился, а чтобы его желание осуществилось, нужны были самые искусные инженеры, знающие, на что способна современная техника.

Джереми едва набрался духу, чтобы осведомиться, указывая на кошмар, венчающий вершину утеса:

– Господи, а это что такое?

– Это-то? Да вы что, это же мистера Стойта дом, – ответил водитель и, вновь испытав прилив гордости, словно поместье принадлежало лично ему, добавил: – Замечательный дом, правда ведь?

Над шоссе вновь сомкнулись апельсиновые рощи; откинувшись на сиденье, Джереми Пордейдж встревоженно размышлял, уж не вляпался ли он в историю, приняв предложение мистера Стойта. Платят, конечно, по-королевски, а работа – предстояло составить каталог почти легендарного архива Хоберков, – доставит ему истинное наслаждение. Но этот Пантеон, потом это... Сооружение. Джереми покачал головой. Разумеется, ему было известно, что мистер Стойт богат, что у него собрание живописи и необыкновенная вилла в Калифорнии. Но никто не предупредил его, что следует ожидать такого. Смешное пуританство присущего ему хорошего вкуса было оскорблено, его страшила мысль, что скоро он познакомится с человеком, способным к столь чудовищной фантазии. Какой между ними может возникнуть контакт, какая общность мысли или чувства? И зачем он выбрал именно этого специалиста? Ведь ясно же, что книги данного автора привлечь его не могли. Да и знает ли он эти книги? Вообще представляет ли хоть сколько-нибудь, кто я такой? Способен ли, допустим, понять, отчего мне так важно, чтобы усадьба называлась «Араукарии», как прежде? Сумеет ли оценить мнение насчет...

Беспокойные его мысли прервал клаксон – водитель сигнализировал громко и требовательно. Джереми взглянул на дорогу. Метрах в тридцати перед ними, покряхтывая, полз по шоссе древний «фордик». К его крыше, багажнику и бортам были кое-как привязаны убогие пожитки – матрасы, старая железная плита, корзины с кастрюлями, сложенная палатка, ванночка из жести. Молнией они обогнали этот рыдван, и Джереми на секунду различил лица трех хилых детишек с потухшими глазами, женщины, кутавшейся в дерюгу, изможденного небритого мужчины.

– Транзитные, – объяснил шофер, и в голосе его звучало презрение.

– Кто? – переспросил Джереми.

– Да транзитные, не видите разве? – повторил негр, уверенный, что все объяснено. – Эти, видать, из какой-то дыры, где пылица до небес. Номер у них канзасский. Наши корольки собирать заявились.

– Собирать корольки? – отозвался Джереми, ничего не понимая.

– Ну, апельсины такие, корольки называются, – сказал шофер. – Самое им времечко. Погода нынче для корольков стоит, лучше не бывает.

Еще раз выкатились на плоскую равнину, и опять перед ними громоздилось Сооружение – теперь оно казалось просто гигантским. У Джереми было время вникнуть в детали. Пережимаемая башенками стена огибала подножие холмов, и за нею протянулась вторая оборонительная система – посреди утеса, как и подобало строить согласно понятиям, утвердившимся после крестовых походов. А сам замок, окруженный службами, квадратом придавливал вершину.

Оторвавшись от созерцания главной башни, Джереми обратил внимание на домики, разбросанные по долине у подножия гор. Один из них, самый большой, украшала доска, на кото-

⁸ Куси – замок XIII века под Компьеном; Олнвик – замок в г. Нортумберленде; построен в 1309 г.

рой позолоченными буквами было написано: «Приют Стойта для больных детей». Развевались на ветерке два флага – звездно-полосатый и белый, с вышитым посередине малиновым «С». Рощица высохших каштановых деревьев закрыла этот вид. И почти тут же шофер сбросил скорость, нажимая на тормоза. Машина плавно подкатила к обочине, обогнав человека, бодро шагавшего по траве рядом с дорогой.

– Подвезти вас, мистер Проптер? – окликнул его шофер.

Тот обернулся и, улыбаясь, подошел к знакомому водителю. Это был крупный мужчина, широкоплечий, но довольно сутулый, с копной каштановых волос, в которых всюду проглядывала седина; лицо у него, подумалось Джереми, в точности как лики святых, которых приверженные готике ваятели помещали на самом верху в западном нефе, – с глубокими впадинами, острыми углами, густыми тенями, изборожденное резко прочерченными морщинами, чтобы выразительность не терялась даже на большом расстоянии. Однако же, продолжал он свои размышления, не просто выразительное лицо, его издали заметишь; да и вблизи запомнится, в общении один на один, – необычное, тонкое лицо, свидетельствующее о способности глубоко чувствовать, но также и о большой воле, о доброте, ясности ироничного ума, собранности и силе.

– Привет, Джордж, – сказал подошедший, – молодец, что остановился.

– Рад сердечно видеть вас, мистер Проптер, – расплылся негр. Обернувшись, он ткнул пальцем в Джереми и, демонстрируя изысканность манер, сказал: – Познакомьтесь, пожалуйста, это мистер Пордейдж, он из Англии, а это мистер Проптер.

Пожали друг другу руки, обменялись приветствиями, и мистер Проптер сел в машину.

– Так вы гость мистера Стойта? – спросил он, когда тронулись дальше.

Джереми покачал головой. Нет, он приехал по делу, надо посмотреть кое-какие рукописи, коллекцию Хоберков, точнее говоря.

Мистер Проптер внимательно слушал его, время от времени кивая, и, когда Джереми договорил, с минуту помолчали.

– Возьмем христианина из тех, что вымирают, и отчасти еще стойка, – сказал наконец Проптер задумчиво, – добавим хорошие манеры, немножко денег, образование на старинный лад, все это тщательно перемешиваем и держим несколько лет в университете. Получаем: ученый и джентльмен. Что же, не самый скверный образец человеческой породы. – Он засмеялся. – Было время, давно, правда, когда я и сам соответствовал такому образцу.

Джереми взглянул на него с недоумением.

– Послушайте, – осведомился он, – вы не тот ли самый Уильям Проптер? «Этюды по истории Контрреформации», или я ошибаюсь?

Сосед кивнул.

Джереми взирал на него с изумлением и восторгом. Возможно ли? – спрашивал он себя. Эти «Этюды» принадлежали к числу его любимых книг, он всегда считал, что в своем жанре они само совершенство.

– Ну просто с ума сойти! – вымолвил он, постаравшись, чтобы мальчишеское это восклицание получилось у него как бы заключенным в иронические кавычки. Джереми знал, сколь утонченных эффектов можно достигнуть, обдуманно сдобрив фразу или написанное предположение каким-нибудь жаргонным словечком, детской присказкой или непристойностью.

– Нет, черт возьми, просто невероятно! – снова воскликнул он, но, почувствовав, что по собственной воле сморозил глупость, закашлялся и принялся поглаживать лысину.

Опять наступило молчание. А потом, обманув ожидания Джереми, приготовившегося потолковать об «Этюдах», мистер Проптер покачал головой и заметил:

– Все мы большей частью с ума сходим.

– Вот именно, – отозвался Джереми. – И, черт нас заберет, никаких сомнений. В психологическом смысле, – пояснил он.

Каштановая роща кончилась, и снова, теперь по правому борту, высилось Сооружение.

– Бедный Джо Стойт. – Мистер Проптер указал на замок. – Угораздило же его взвалить себе этакое на шею! На нем и так достаточно висит. Нам-то с вами сильно повезло, вы не находите? Оттого что про вас, про меня только и скажешь: ученый, джентльмен, а никем больше мы просто не могли стать. – Снова пауза. – Да, бедняга Джо, – продолжал он, улыбаясь, – он-то не джентльмен, не ученый. Вам с ним немножко трудно будет. Он, само собой, попырует вас сразу подавить, поскольку принято думать, что как личность такие, как вы, стоят выше, чем он. Уж не говоря о том, – он взглянул на Джереми с выражением, полным иронии, но и симпатии, – что вы, кажется, из тех людей, которых прямо-таки нельзя не подавлять. О да, вы ученый, вы джентльмен, но есть в вас, боюсь, и что-то особенно притягательное для убийц.

Несколько досадуя на такую откровенность, однако тронутый дружеским расположением, Джереми нервно улыбнулся и закивал.

– Возможно, – говорил мистер Проптер, – вы не станете так уж провоцировать Джо Стойта на убийство, когда я вам расскажу, как вышло, что он обрек себя вот этому проклятью. – Проптер снова указал на Сооружение. – Мы с ним учились вместе в школе, только тогда его никто не называл Джо. Называли его кто Недотепой, кто Толстячком. Видите ли, бедняга Джо был у нас единственный толстый мальчишка, один-единственный на всю школу. – Он минуту молчал, потом переменял тон. – Ума не приложу, отчего всегда издеваются над толстяками. Видимо, ожирение отталкивает инстинктивно. Подумайте, ведь совсем нет толстых святых, ну разве что старичок Фома Аквинский, да он, по-моему, не настоящий святой, если судить строго, то есть в общепринятом понимании святым он не был, а общепринятое понимание самое верное. Если Фома святой, значит, Винсент де Поль⁹ – нет. И наоборот, раз Винсент святой, а кто же с этим спорит, то уж Фома никак. Думаю, и по той причине, что у него огромное брюхо. Как знать? Это я, впрочем, так, не по делу. Мы же о Джо Стойте говорили. А Джо, несчастный малый, был, как я уже сказал, толст, и потому все мы над ним издевались. О Господи, ну и доставалось ему от нас за то, что с гландами у него был непорядок! Вот он и вознаграждал себя за те унижения – сами видите, каким чудовищным способом. Слишком старался... Эге, да я уже дома, – сказал он, выглянув из окна машины, притормозившей у маленького белого бунгало под эвкалиптами. – Договорим в следующий раз. Помните только: если бедняга Джо станет так уж вам грубить, это все из-за пережитого им тогда в школе, так что постарайтесь его пожалеть – и не переусердствуйте, себя жалеючи. – Он захлопнул дверцу и, помахав шоферу, быстро пошел по тропинке к своему дому.

Машина тронулась. Смущенный разговором с автором «Этюд», Джереми, однако, чувствовал себя теперь увереннее и без особого волнения смотрел на проплывавший за окнами пейзаж. Они были уже совсем рядом с Сооружением; тут он впервые заметил, что холм, на котором стоит замок, оказывается, окружен рвом с водой. Приближаясь к этому рву, миновали две колонны, украшенные геральдическими львами. Очевидно, при этом сработал фотоэлемент, потому что, едва львы остались позади, начал опускаться подъемный мост. Он коснулся земли в тот самый момент, когда им предстояло пересечь ров, и, плавно миновав мост, автомобиль остановился перед воротами, за которыми виднелся проезд к главной башне. Шофер вышел и сообщил об их прибытии по телефону, спрятанному в нише внешней стены. Бесшумно поднялась хромированная решетка, распахнулись двойные створки из нержавеющей стали. Машина поползла вверх. Вторую линию стен миновали через другие ворота, автоматически открывшиеся перед ними. Сразу за этими стенами был еще один мост – железобетонный, размерами с теннисный корт. В тени под ним Джереми различил что-то знакомое. Ах, разумеется, точная копия грота в Лурде.

⁹ Поль, Винсент де – католический священник, несколько лет провел в плену у пиратов; канонизирован в 1737 г.

– Мисс Монсипл, она, знаете, из этих, из католиков, – объяснил шофер, кивнув по направлению к гроту. – Он это для нее построил. Мы-то тут все пресвитериане, у нас прямо семья, – закончил он.

– А кто такая мисс Монсипл?

Водитель с минуту помолчал, подбирая слова. Наконец сказал:

– Ну, молодая леди, а мистер Стойт с ней вроде как дружит, – и переменял тему.

Взбирались на вершину. Площадка над гротом была засажена кактусами. Потом дорожка вильнула, огибая северный склон утеса, а кактусы сменились травой и кустами. На маленькой террасе, выглядевшей слишком элегантно, – словно бы ее воспроизвели по картинке из журнала «Вог», издаваемого для богинь, – извергала водяные струи превосходно выточенная грудь бронзовой нимфы работы Джамболоньи¹⁰. Чуть дальше, за железной сеткой, скакало по камням семейство павианов и, словно состязаясь в непристойности, демонстрировало свои безволосые зады.

Ехали все вверх и вверх, пока не развернулись на асфальтовой платформе, мощными консолями закрепленной над обрывом. Решив напоследок снова стать слугой из добрых старых времен, водитель снял кепи, исполнил весь ритуал, подобающий встрече молодого хозяина, возвратившегося домой на плантацию, а затем принялся выгружать багаж.

Джереми Пордейдж подошел к балюстраде и огляделся. Почти сто футов обрыв падал едва ли не отвесно, а затем постепенно сбегал к внутренней стене и тянулся за нею до первого ряда укреплений. Дальше начинался ров, за которым раскинулись апельсиновые рощи. «Im dunklen Laub die goldn, Orangen glühen»¹¹, – пробормотал он про себя, и еще: «В тени ветвей оранжевым блеснул, Как света луч в ночи зеленой». Марвелл¹² описал, пожалуй, точнее, чем Гёте, подумал он. Теперь апельсины светились еще ярче и приобрели для него особый смысл. Джереми всегда было сложно осознать живые, непосредственные впечатления – они вечно причиняли ему одно беспокойство, более или менее сильное. Жизнь входила в берега, а вещи наполнялись значением только после того, как для всего находилось нужное слово и свое местечко под переплетом. С апельсинами он справился отлично, но как быть с замком? Он повернулся и, прислонясь к парапету, взглянул вверх. Сооружение нависало над ним оскорбительно громоздкое. Никто не подобрал поэтических образов вот для эдакого. Ни Роланд, ни тот Король, который влюбился в блоху, ни Мармион, ни леди из Шалотта или сэр Леолайн¹³ – ничто не годится. Да, даже сэр Леолайн, повторил он, наслаждаясь своей способностью истинного знатока, умеющего сразу опознать обычные для романтиков нелепости, даже этот богатейший барон, у которого был – постой-ка, кто же у него был? Ну разумеется, сука мастиф, причем беззубая. А у мистера Стойта павианы и Священный грот, у мистера Стойта хромированная решетка на воротах и архив Хоберков, у мистера Стойта кладбище, похожее на площадку аттракционов в парке, и замок, похожий...

Послышался громкий скрежет; тяжелые, инкрустированные шляпками гвоздей двери замка – раннеанглийский стиль – распахнулись и, словно подгоняемый вихрем, краснолицый, плотно сбитый человек с копной белоснежных волос влетел на террасу, устремясь прямоком к Джереми. Выражение его ничуть не изменилось, когда он подбежал вплотную. Все та же неподвижная и неулыбчивая маска, которую так любят американские служащие, когда им приходится иметь дело с иностранцами, – считают, что, обходясь без требуемых обиходом любез-

¹⁰ Джамболонья (Джованни Болонья, 1529–1608) – скульптор и архитектор, ученик Микеланджело, автор знаменитой «Венеры», установленной в садах Боболи.

¹¹ «Где в темной листве померанец горит золотистый». (Гёте, «Миньона», пер. М. Михайлова.)

¹² Марвелл, Эндрю (1621–1678) – английский поэт.

¹³ Леди Шалотт – в романах Круглого Стола несчастная возлюбленная Ланселота; Мармион – герой поэмы Вальтера Скотта, погиб в битве с англичанами, решившей судьбу Шотландии; сэр Леолайн – герой баллады английского романтика Роберта Саути (1774–1843), надменный лорд.

ностей и ужимок, они скорее внедряют в чужеземца мысль: тут свободная страна, пусть никто не навязывает им своих понятий.

Поскольку Джереми воспитывала несвободная страна, при появлении этого стремительного человека, который, следовало полагать, был его хозяин и работодатель, он инстинктивно расплылся в улыбке. Но, убедившись, что сосредоточенность, написанная на лице собеседника, осталась по-прежнему твердой, вдруг понял, что улыбается зря, что обходительность неуместна и ставит его в нелепое положение. Растерянный и смущенный, Джереми попытался придать себе серьезность.

– Мистер Пордейдж? – проговорил подошедший резким, лающим голосом. – Очень рад. Моя фамилия Стойт. – Пожав Джереми руки, он все так же напряженно впивался в него глазами. – А я думал, вы моложе, – сказал он.

Уже во второй раз за это утро Джереми пришлось притворяться манекеном, охваченным приступом самоуничтожения.

– Листок увядший, пожелтый, – отозвался он. – И старость близится уже...

– Так вам сколько лет? – оборвал его мистер Стойт; тон его был требовательный, жесткий, словно у сержанта полиции, задержавшего жулика.

– Пятьдесят четыре.

– Всего-то? – Мистер Стойт покачал головой. – Мужчине в пятьдесят четыре нечего ныть. У вас насчет секса как, все нормально?

Джереми попробовал отшутиться, чтобы скрыть, до чего он ошеломлен. Моргнул, провел ладонью по лысине.

– Mon beau printemps et mon été ont fait le saut par la fenêtre¹⁴, – процитировал он.

– Это вы про что? – Стойт нахмурился. – Бросьте, нечего со мной по-иностранному щеголять. Я образования не получил. – Он вдруг резко засмеялся. – У меня тут нефтяная компания. В одной Калифорнии две тысячи заправок. И на любой спросите, нет служащего, чтоб без диплома был. – Опять смех, теперь торжествующий. – Вы с ними вот по-иностранному потолкуйте. – Помолчав, он по какой-то необъяснимой логике ассоциаций заговорил совсем о другом: – Мой лондонский агент – ну, он там для меня всякие штуки подбирает, вот он меня на вас и вывел. Написал, лучше никого не найдешь для этих, ну как же их? Ну, для бумаг, которые я летом купил. Чьи они там, Робеков, что ли? Хобаков?

– Хоберков, – сказал Джереми, с угрюмым чувством убеждаясь в своей правоте. Этот человек не читал ни книг его, ни имени его не слышал. Однако бог с ним, ведь в школе Толстячком звали.

– Ну, Хоберков, – отозвался мистер Стойт с досадой, оттененной презрением. – В общем, написал, что обратиться к вам надо. – И тут же, без паузы, без перехода: – Так у вас с сексом все в порядке, значит? Я чего-то не разобрал, вы там по-иностранному выразились.

Джереми засмеялся смущенно.

– Хотел сказать: нормально для моего возраста.

– А откуда вам знать, что для вашего возраста нормально? – перебил его Стойт. – Вы про это лучше с доктором Обиспо поговорите. И платить ничего не придется. Он у меня на жалованье, Обиспо то есть. Вроде домашнего врача. – С той же неожиданностью он снова переменял тему: – Замок посмотреть хотите? Я покажу.

– О, вы так добры, – сказал Джереми, пытаясь уклониться. И, заботясь об этикете, прибавил: – Я уже побывал у вас на кладбище.

– У меня на кладбище? – переспросил Стойт подозрительно; недоверчивость вдруг сменилась гневом: – Черт подери, вы что ляпаете? – заорал он.

---

¹⁴ «И лето вслед весне моей в туманной дымке растворилось» (фр.). Ламартин.

Перепугавшись, Джереми сбивчиво поведал о Пантеоне «Бeverли» и участии мистера Стойта в кладбищенской корпорации, о чем ему рассказывал водитель.

– А, понятно, – пробурчал Стойт, чуть смягчившись, но все еще нахмуренный. – А я-то решил... – Фраза осталась недоконченной, и Джереми ломал голову над тем, что тот мог иметь в виду. – А, ладно, – рявкнул Стойт, сорвавшись с места, и во весь опор помчался ко входу в замок.

Глава 3

Покой царил в палате 16 Стойтовского приюта для больных детей, покой и светящийся полумрак – жалюзи были опущены. Настал полуденный час отдыха. Трое из пяти выздоравливающих маленьких пациентов спали. Четвертый, уставившись в потолок, задумчиво исследовал пальцем собственные ноздри. Последней была крохотная девочка – она шепталась с куклой, такой же кудрявой, безупречно арийской малышкой, как она сама. Юная сиделка, устроившись у окна, самозабвенно углубилась в последний выпуск «Прямодушных признаний».

«Сердце его дрогнуло, – читала она. – Не владея собой, он прижал меня к груди. О, как долго мы оба этому противились, однако пыл страсти оказался сильнее нас. Его губы впились в мои, вызвав искру ответного трепета, пробежавшую по смирившейся плоти.

– Жермена! – шептал он. – Не мучьте меня! Дорогая, ответьте моим желаниям немедленно, сейчас же!

Он был так со мной бережен, так беспощаден – этой мужской беспощадности жаждет любящая женщина. Я почувствовала, как поднявшаяся волна подхватывает...»

В коридоре послышался шум. Дверь распахнулась, точно налетел ураган, и кто-то вихрем ворвался в комнату.

Сиделка оторвалась от «Цены мгновения», захватившей ее с головой, – тем неожиданнее и болезненнее было это вторжение. Не раздумывая, она возмущенно накинулась на пришельца.

– В чем дело? – выкрикнула она, кипя гневом, но тут опознала гостя и изумилась: – Как, это вы, мистер Стойт?

Ковырявший в носу оторвал взгляд от потолка, девочка бросила свою куклу.

– Дядя Джо! – завопили оба. – Дядя Джо!

Мистер Стойт был тронут этой их радостью. Лицо, показавшееся Джереми таким гнетуще мрачным, озарилось улыбкой. Стойт шутливо прикрыл ладонями уши.

– Оглохнешь от вас! – перекрывая шум, крикнул он. А потом, понизив голос, обратился к сиделке: – Бедные ребятки! Прямо обречешься, на них глядячи. – От полноты чувств он даже чуточку хрипел. – Да еще вспомнишь, какие они больные были...

Фраза оказалась недоконченной, Стойт помотал головой и заговорил совсем по-другому.

– Да, кстати, – сказал он, указывая своей широкой квадратной ладонью на Джереми Пордейджа, который, последовав за ним в палату, остановился у двери с выражением озадаченным и смущенным, – это вот мистер... мистер... а, черт, забыл, как вас звать.

– Пордейдж, – подсказал Джереми, напомнив себе, что Стойта в школе звали Толстячок.

– Правильно, Пордейдж. Вы его спросите что-нибудь про историю там, про литературу, – посоветовал он сиделке, не скрывая насмешливости. – Он по этой части толковый.

Побуждаемый скромностью, Джереми принялся объяснять, что, строго говоря, период, которым он занимается профессионально, охватывает только годы от появления Оссиана до смерти Китса, однако Стойт уже повернулся к детям и, заглушая невнятные самоумаления своего спутника, заорал во все горло:

– Ну, так чего вам принес дядя Джо?

Угадывали все. Конфеты. Жвачку. Воздушные шарики. Морских свинок. Всякий раз Стойт с видом победителя качал головой: не то. Наконец, убедившись, что детское воображение иссякло, полез в карман поношенного твидового пиджака, извлекая на свет сначала свистульку, затем губную гармошку, музыкальную шкатулочку, рожок, деревянную трещотку и, наконец, автоматический пистолет. Его он, впрочем, поспешил засунуть обратно.

– А ну-ка, – заключил он, раздав игрушки. – Только все вместе. Раз, два, поехали. – И, отбивая такт обеими ладонями, запел: – По Сивони, ах, по реке Сивони...

После всех шокирующих сюрпризов этот последний изумил Джереми еще больше; недоумение читалось на его добром лице.

Господи, ну и утро выдалось! Прибыл ни свет ни заря. Этот негр, разыгрывавший преданного слугу. Эти нескончаемые предместья. Пантеон «Бeverли». Сооружение, вознесшееся над апельсиновыми плантациями, встреча с Уильямом Проптером, а потом этот просто невыносимый Стойт. А там, в его замке, настоящий Рубенс, и подлинный Эль Греко, и Вермеер, украшающий кабину лифта, и офорты Рембрандта, развешанные по коридорам, а в буфете – полотно Винтерхальтера¹⁵.

А вспомнить только будуар мисс Монсипл в стиле Людовика XV с картиной Ватто и двумя Ланкре¹⁶, с содовым фонтанчиком, украшенным безделками эпохи рококо, вспомнить саму мисс Монсипл в ее оранжевом кимоно – как смакует она малиновое мороженое, чередуя его с мятным и содовой, причем все это готовится для нее одной. Его представили, он, поблагодарив, отказался от фруктового пломбира и был тут же увлечен дальше, в предельной спешке, словно подгоняемый торнадо, – скорей, скорей, надо осмотреть в замке все остальное. В частности, гостиную, декорированную фресками Серта¹⁷, изображающими слонов. И библиотеку – шкафы в ней работы Гринлинга Гиббонса¹⁸, только пустые, мистер Стойт все не соберется приобрести книги. Небольшую гостиную, где висит Фра Анжелико, а мебель приобрели при распродаже обстановки Павильона в Брайтоне¹⁹. Большая столовая по интерьеру – точная копия мечети Фатехпур-Сикри. Клозет на двенадцатом этаже может похвалиться витражом тринадцатого века. В зале, где утром пьют кофе, стоит диван, затканый розовым шелком, на котором вверх ногами воспроизведен пейзаж Буше – «La Petite Morphil». Часовню по частям перевезли из Гоа, в этой исповедальне, сделанной из ореха, выслушивал покаяния святой Франциск из Сая, когда держал приход в Аннеси. Бильярдная – чистый конструктивизм. Крытый бассейн. Бар, напоминающий о вкусах времен Второй империи, – несколько «ню» кисти Энгра. Два зала с тренажерами. Читальня для приверженцев Христианской науки, устроенная в память миссис Стойт. Кабинет дантиста. Турецкая баня. Затем, в обществе Вермеера – вниз, в самое нутро горы, в подземное хранилище, где размещен хоберковский архив. И еще ниже, в самую глубь, к сейфам, к подстанции, к кондиционерной установке, насосной, цистернам с водой. А потом вверх, и вот уже первый этаж, кухня, китаец-шеф показывает мистеру Стойту только что доставленных карибских черепах. И опять вверх, на пятнадцатый, где Джереми отведена спальня. Еще шестью этажами выше расположена контора: мистер Стойт дал указания секретарям, продиктовал два письма и долго говорил по телефону со своим маклером в Амстердаме. А когда наконец положил трубку, пора уже было ехать в приют.

Тем временем в палату 16 сбежались сиделки, любясь мистером Стойтом, чьи седины раздувал ветер, когда, похожий на Стоковского, он вдохновенно дирижировал своим оркестриком, игравшим все громче, громче – какофония невыносимая.

– Да он просто большой ребенок, – заметила одна из слушательниц, и в словах ее чувствовалось умиление, почти нежность.

Другая, очевидно, не чуждая литературных наклонностей, сказала, что это прямо сценка из Диккенса.

– А вам не кажется? – допытывалась она у Джереми.

Он нервно улыбнулся и кивнул, соглашаясь, но так, что это его ни к чему не обязывало.

¹⁵ Винтерхальтер, Франц Ксавер (1806–1873) – немецкий портретист.

¹⁶ Ланкре, Никола (1690–1743) пейзажист школы Ватто.

¹⁷ Серт, Хосе-Мария (1876–1945) – испанский монументалист.

¹⁸ Гиббонс, Гринлинг (1648–1720) – резчик по дереву, работал в лондонском соборе Св. Петра.

¹⁹ Речь идет о бывшей королевской резиденции на курорте Брайтон.

Третья – эта дама отличалась практической смекалкой – пожалела, что с нею нет ее «Кодака»: «Президент нефтяной компании „Консоль“, глава корпорации „Калифорнийские земельные участки и ископаемые“, директор Тихоокеанского банка, создатель фирмы „Кладбищенская корпорация Западного побережья“ и т. д. Снимок с натуры». Она упивалась, перечисляя основные должности мистера Стойта, делала это чуть иронично, но и с восторгом, с пафосом восхищения, словно какой-нибудь не вовсе лишенный юмора легитимист, который называет титулы своего испанского гранда.

– Газеты за такой снимок неплохо бы заплатили, – убежденно сказала она. И в доказательство своих слов сообщила, что у нее был кавалер, работавший по рекламе, а уж он-то точно знает, всего неделю назад он ей говорил про то, как...

Морщинистое лицо мистера Стойта светилось добротой и счастьем, когда уезжали из больницы.

– Поиграешь с детишками этими бедными, и хорошо становится, – объяснял он Джереми.

От дверей приюта к шоссе вела широкая лестница. На дороге ждал голубой кадиллак мистера Стойта. За ним стояла еще машина, поменьше; ее не было, когда они приехали в больницу. Тень подозрения пала на сияющее чело мистера Стойта, как только он ее увидел. Шантажисты, похитители детей – все может быть. Рука его потянулась к карману. «Кто это?» – крикнул он, и в голосе чувствовалась такая ярость, что Джереми на мгновение подумал, уж не начинается ли приступ безумия.

В окне машины показалась широкая и круглая, как луна, физиономия со вздернутым носом; губы, сжимавшие сигару, растянулись в улыбке.

– А, это вы, Клэнси, – сказал мистер Стойт. – Почему не предупредили, что приедете? – Выражение его оставалось насупленным, хмурым, и на щеке начал подрагивать мускул. – Терпеть не могу, когда за мною чужие машины пристраиваются. Поняли, Питерс? – чуть не заорал он своему шоферу, хоть тот ничем не провинился – просто подвернулся под руку. – Терпеть не могу, запомните.

Тут ему вдруг вспомнилось, как упрекал его доктор Обиспо, когда он срывался. «Сознательно желаете укоротить свои дни, мистер Стойт?» Доктор говорил язвительно, холодно и при этом улыбался, не скрывая пронизанного сарказмом безразличия: «Вам, видимо, очень хочется, чтобы до удара дошло. Второго удара, прошу заметить, и тогда уж вы так легко не отделаетесь. Если вас эта перспектива привлекает, продолжайте в том же духе. Желаю успеха».

Напрягши волю, мистер Стойт подавил свой гнев.

– Бог есть любовь, – сказал он, ни к кому не адресуясь. – Смерти нет.

Покойная Пруденс Макглэддери Стойт была поборницей Христианской науки.

– Бог есть любовь, – повторил он и подумал: будь люди поскромнее, не раздражай они его на каждом шагу, он бы не выходил из себя. Бог есть любовь. Во всем виноваты они.

Меж тем Клэнси вылез из машины и, нависая над паучьими ножками неправдоподобно раздувшимся животом, с таинственными улыбками и подмигиваниями поднимался по ступеням.

– Что случилось? – осведомился мистер Стойт, добавив про себя: хватит уж тебе кривляться. – Да, познакомьтесь, это мистер... мистер...

– Пордейдж, – сказал Джереми.

Клэнси источал обаяние. Рука его была неприятно влажной.

– У меня для вас новости, – сказал он полушепотом, точно заговорщик; сигару он прикрыл ладонью, так что весь дым вкупе со словами достался одному мистеру Стойту. – Вы Тительбаума помните?

– Какой из муниципального технического отдела?

Клэнси кивнул.

– Да, он там работает. Как многие, – сказал он загадочно и опять подмигнул.

– Ну, и дальше что? – Хотя Бог есть любовь, в голосе мистера Стойта чувствовалось накапливающее раздражение.

Клэнси взглянул на Джереми Пордейджа, затем, со всем искусством провинциального актера, который изображает Гая Фокса, вступающего в сговор с Кейтсби, взял мистера Стойта за рукав и отвел в сторону по ступеням.

– Знаете, что мне сегодня Титтельбаум сказал?

– Откуда ж мне знать, черт вас дерит! – Не надо, не надо. Бог есть любовь. Смерти нет.

Не смущаясь свидетельствами недовольства, Клэнси продолжал беседовать с мистером Стойтом все в той же театральной манере.

– Он сказал, что принято решение относительно, – тут он совсем перешел на шепот, – относительно долины Сан Фелипе.

– И что же они там решили? – Терпение мистера Стойта вновь было на пределе.

Клэнси не торопился с ответом. Вынул изо рта окурок, отбросил в сторону, достал другую сигару из жилетного кармана и, скомкав целлофановую обертку, незажженной поднес к губам, чтобы заменить выкуренную.

– Решили, – сообщил он очень медленно, вкладывая глубокий драматизм в каждое слово, – решили поставить насосы и качать туда воду.

Досада на лице мистера Стойта наконец-то сменилась заинтересованностью.

– Они что же, всю долину затопить собираются?

– Всю долину, – торжественно отозвался Клэнси. С минуту мистер Стойт хранил молчание.

– Сколько у нас остается времени? – спросил он наконец.

– Титтельбаум полагает, что о решении будет объявлено не ранее, чем через шесть недель.

– Шесть недель? – Мистер Стойт задумался всего на миг, и тут же у него созрел план действий. – Ладно. Приступайте, мешкать нечего, – сказал он с решительностью человека, привыкшего распоряжаться. – Займетесь этим сами, даю вам еще несколько человек в помощь. Независимые покупатели, телят, мол, собрались выращивать, ранчо у них тут будет, приехали с Востока и покупают землю под ранчо. Скупите все, что сможете. Да, а почему сейчас идет?

– В среднем двенадцать долларов за акр.

– Двенадцать, – повторил мистер Стойт, прикидывая, что с первым же насосом цена подскочит под сто. – Ну, и сколько акров сможете купить, как думаете?

– Может, тысяч тридцать.

На лице мистера Стойта мелькнула довольная улыбка.

– Неплохо, – подытожил он. – Очень неплохо. Ясное дело, моего имени не упоминать, – добавил он и тут же, без паузы, без перехода: – А Титтельбаум, он нам во сколько станет?

По губам Клэнси пробежала презрительная усмешка.

– Около четырех-пяти тысяч я ему дам.

– И только?

Клэнси кивнул.

– Титтельбаум сам на этом деле повязан, – сказал он. – Не очень-то поартачится, как до расчета дойдет. Да и деньги ему нужны, позарез нужны, я знаю.

– А зачем? – Лицо мистера Стойта выражало профессиональный интерес к человеческим слабостям. – Продулся, что ли? Или девки?

Клэнси помотал головой.

– Доктора, – объяснил он. – Сынишка у него парализованный, вот что.

– Парализованный! – В тоне мистера Стойта звучало искреннее сострадание. – Худо дело. – Минуту помедлив, он вдруг сказал со всем радушием: – Пусть сюда своего парня привозит. – Рука его указала на приют. – Для детишек с параличом лучше места нигде в Штатах не найти, и я с него ничего не возьму. Ни цента.

– Черт, ну и добрый вы, мистер Стойт, – сказал Клэнси с восхищением. – Уж такой добрый.

– Да бросьте вы, – ответил Стойт, подходя к машине. – Мне это только в радость. Как в Библии про детей сказано, помните? И вообще мне нравится с детишками этими возиться. Вроде как душой отходишь. – Он похлопал себя по груди. – Передайте Титтельбауму, пусть анкету заполняет. А заявление прямо мне отдаст. Я прослежу, чтобы все как надо было.

Он влез в автомобиль, захлопнул дверцу; потом, бросив взгляд на Джереми, открыл ее, не произнеся ни слова. Джереми втиснулся внутрь, бормоча извинения. Мистер Стойт опять запер дверцу, опустил стекло и выглянул наружу.

– Пока, – сказал он. – И смотрите, чтобы с этими делами по Сан Фелипе никакой волокиты не было. Вы постарайтесь, Клэнси, а я вам уступлю десять процентов всей земли, какая останется, когда я свое возьму.

Подняв окошко, он велел шоферу ехать. Повернув на шоссе, помчались прямо к замку. Откинувшись на подушки, мистер Стойт вспоминал тех несчастных детишек и прикидывал, сколько заработает на Сан Фелипе. «Бог есть любовь», – произнес он снова с убежденностью, в эту минуту непоколебимой; шепот его ясно слышался. «Бог есть любовь». Джереми стало совсем не по себе.

Цепной мост опустился при приближении голубого кадиллака, взмыла вверх хромированная решетка, двери внутреннего ограждения раздвинулись, пропуская машину. По бетонному корту катались на роликах семеро детей китайца-повара. Ниже, в Священном гроте, что-то соорудили каменщики. При виде их мистер Стойт дал сигнал остановиться.

– Строят гробницу для монахинь, – бросил он Джереми, выходя из автомобиля.

– Для монахинь? – отозвался Джереми, пораженный.

Мистер Стойт кивнул, объясняя, что его агенты в Испании купили кое-какие статуи и литые в часовне, разрушенной монархистами, когда началась война.

– Монахинь тоже прислали, – продолжал он. – Ну, набальзамированных. Или там на солнце высушенных, не знаю. В общем, тут они теперь, монахини эти. Хорошо, у меня для них нашлось подходящее место. – Он показал на памятник, который рабочие устанавливали у южной стены грота. На мраморной полке над большим римским саркофагом располагались изготовленные неизвестным резчиком времен короля Якова мужская и женская фигуры – обе в плоеных воротниках, обе коленопреклоненные, – а за ними тремя правильными рядами фигурки девяти дочерей: возраст их был от младенчества до отрочества.

«*Hic jacet Carolus Franciscus Beals, Armiger...*»²⁰ – начал читать Джереми.

– В Англии куплено, два года назад, – прервал его мистер Стойт. И, повернувшись к рабочим: – Ну как, ребята, скоро кончите?

– Завтра днем готово будет. А может, и с утра.

– Отлично, – сказал мистер Стойт. – Надо этих монахинь со склада забрать, – добавил он, пока шли к машине.

Поехали дальше. Удерживая равновесие почти невидимым покачиванием крыльев, пил из фонтанчика на левой груди нимфы, сработанной Джамболоньей, пересмешник. Вольер для павианов наполнился резкими звуками битв и любовных утех. Мистер Стойт прикрыл глаза. «Бог есть любовь, – шептал он, стараясь продлить восхитительную эйфорию, в которую погрузило его общение с несчастными детьми и славная новость, сообщенная Клэнси. – Бог есть любовь. Смерти нет». Он помедлил в надежде почувствовать, как после тихо произнесенных слов у него теплеет внутри, словно после глотка виски.

Но, как будто затаившийся в нем враг решил сыграть злую шутку, он вдруг осознал, что думает о ссохшихся телах монахинь и о том, как сам станет бездыханным телом, о Страшном

---

²⁰ Здесь покоится Чарлз Френсис Билс, смиренный... (лат.)

суде и адском пламени. Пруденс Макглэддери Стойт хранила верность Христианской науке; однако Джозеф Бадж Стойт был гласитом, а Летиция Морган, бабка по материнской линии, всю жизнь прожила да и померла плимутской сестрой²¹.

У него в комнате под самой крышей стандартного домика в Нэшвилле, штат Теннесси, висел над койкой плакатик, где оранжевыми буквами по черному фону было написано СТРАШНЕЕ НЕТ, КАК В ДЛАНИ ГОСПОДА ЖИВОГО ОЧУТИТЬСЯ. С отчаянием он повторял опять и опять: «Бог есть любовь. Смерти нет». Только вот для грешников, для таких, как он, ненасытный червь сомнения вечен.

– Если все время будете бояться смерти, – сказал ему доктор Обиспо, – обязательно умрете. Страх – тоже яд, причем не из тех, которые медленно действуют.

Снова справившись с собой усилием воли, мистер Стойт принялся насвистывать. Песенка была знакомая: «Славно с милой под луною полежать, нам солома – королевская кровать», – но лицо, которое видел перед собой и, словно человек, случайно узнавший страшную, постыдную тайну, старался поскорее позабыть Джереми Пордейдж, было лицом арестанта в камере приговоренных.

– Совсем скис, – пробормотал шофер, наблюдая, как ковыляет от машины его хозяин.

Сопровождаемый Джереми, мистер Стойт молча прошествовал через готический портал, пересек римский вестибюль с колоннами, напоминавший часовню Девы в Дареме, и, по-прежнему не снимая шляпы, надвинутой прямо на глаза, ступил в готический полумрак главного вестибюля.

Отзвуки их шагов таяли под сводами где-то на высоте ста футов. Вдоль стен, словно железные призраки, стояли рыцарские доспехи. Над ними в царственной тени гобелены пятнадцатого века распахивали окна, за которыми виднелся пышно-зеленый мир фантазии. В самом углу схожего с пещерой помещения вспыхивало, подсвеченное невидимыми прожекторами, эль-грековское «Распятие Св. Петра» и казалось среди обступающей тьмы прекрасным откровением чего-то непостижимого, глубоко волнующего. А в углу напротив красовался не менее искусно подсвеченный портрет Элен Фурман: в полный рост, обнаженная, только меховая шапочка на голове. Джереми переводил взгляд с полотна на полотно – иссушенная плоть терзаемого муками святого сменялась роскошеством кожи, складок, мышц, доставлявшим Рубенсу бесконечное наслаждение, когда он такое видел, к такому прикасался, а цвета охры, кармина на фоне до прозрачности черных тонов и бело-зеленых пятен, которыми возвещает о себе подступившая агония, соседствовали с кремовым, нежно-розовым, со светящейся голубизной и зеленоватым колоритом, обычным для фламандских «ню». Два блистательных, несравненных, предельно выразительных символа – однако чего? чего? Вот это бы понять.

Дверь лифта скрывалась между двумя колоннами. Мистер Стойт распахнул ее, вспыхнул свет, и перед ними возникла голландская дама в голубых шелках, сидящая за клавесином, – олицетворение, подумалось Джереми, олицетворение того мира, где соединились в целое красота и логика, наивность и геометрия. Зачем этого единства добивались? Понять бы тоже и вот это. Когда соприкасаешься с искусством, сказал себе Джереми, это всегда и надлежит понять.

– Дверь закройте! – приказал мистер Стойт. И когда это было сделано, сообщил: – Поплаваем перед обедом.

Он нажал на самую верхнюю кнопку в длиннейшем ряду.

---

²¹ Шотландские и ирландские секты XVII–XIX вв.

Глава 4

В апельсиновой роще, куда послали человека из Канзаса, уже работало с десятков семей переселенцев, и теперь они с женой, тремя детьми и бурым псом изо всех сил спешили к участку, который указал им смотритель. Шли молча, потому что говорить было не о чем, да и сил не оставалось, чтобы тратить на слова.

Всего полдня, думал канзасец, всего четыре часа, и работа кончится. Хорошо еще, если хоть семьдесят пять центов наработают. Семьдесят пять центов. Всего семьдесят пять, а покрывка на переднем колесе совсем износилась. Раз уж решили добираться до Фресно, а потом до Салинаса, менять ее придется обязательно. А даже подержанная покрывка, самая паршивенькая, денег стоит. А деньги – это ведь хлеб. Едят же они! – подумал он с нахлынувшим раздражением. Будь он один, без Минни, без детей, которых пришлось за собой тащить, нанял бы где-нибудь для себя домишко. Лучше бы у шоссе, тогда можно подзаработать, продавая яйца, фрукты, всякую мелочь проезжающим в собственных автомобилях, – он брал бы намного меньше, чем в магазине, а прибыль все равно бы вышла приличная. И глядишь, скопил бы на корову, на парочку поросят, а там и девчонку бы себе приглядел – попухлявее, ему пухлявые нравятся, пухлявые и молоденькие, чтобы...

Жена опять зашлась кашлем; мечты развеялись. Ах, ну и едят же они! Столько прожрут, сами того не стоят. Трое ребятишек, а силенок ни у одного. Да еще Минни то и дело хворает, вот и вкалывай за нее, словно своего мало!

Собака остановилась, обнюхивая столб. С неожиданным проворством и умением канзасец резко рванулся вперед и пнул пса, угодив прямо между ребер.

– Тварь проклятая! – завопил он. – Пошел ты к черту!

Пес отполз, скуля. Канзасец оглянулся в надежде увидеть осуждение или сострадание на детских лицах. Но дети уже научились не давать ему повода вслед за собакой обрушивать ярость на них самих. Личики, полуприкрытые спутанными волосами, оставались безразличными, не выражая ровным счетом ничего. Разочарованный отец отвернулся, бормоча, что кишки им выпустит, если что. Мать даже не повернула головы. Слишком больной себя чувствовала, слишком усталой и просто шла, ничего не замечая. Воцарилось молчание.

Потом вдруг громко вскрикнула самая младшая:

– Смотрите!

Она показывала вперед. Перед ними высился замок. С закругления самой высокой башни поднимался витой металлический шест, на котором, устремляясь к небу на двадцать, на тридцать футов над парапетом, громоздились площадки. Крохотная фигурка чернела на верхней из них, резко выделяясь в слепящих лучах солнца. Не отрывая глаз, они смотрели, как, всплеснув руками, человек ринулся вниз головой и исчез за ограждением. Вопли изумленных детей предоставили канзасцу предлог, которого он не дождался несколько минут назад. Он накинулся на них неистово.

– Заткнитесь! – кричал он, раздавая тумаки направо, налево – удары пришлись по головам, досталось всем. Волевым усилием женщина заставила себя выкарабкаться из бездны усталости; обернувшись, она метнулась со своими протестами и норовила схватить мужа за руку. Он толкнул ее так яростно, что она еле устояла.

– Ты еще хуже этих паршивцев, – орал он. – Валяешься весь день да жрешь себе. На черта ты мне такая нужна! Я сам вымотался, не знаешь, что ли, и чувствую себя погано. Погано себя чувствую, поняла? – повторил канзасец. – Не лезь, хуже будет.

Он отвернулся и, ощутив прилив сил после этой вспышки, быстро зашагал под гнуцимся от плодов апельсиновыми деревьями, зная, что жене догнать его не под силу.

Вид от этого бассейна на крыше главной башни открывался чудесный. Плавая в прозрачной воде, достаточно было всего лишь повернуть голову, чтобы сквозь каменные зубцы предстали пейзажи равнины и гор, зеленые, темные, рыжеватые, сиреневые тона, легкая голубизна. Плынешь, наслаждаешься видом, вспоминаешь, если, конечно, ты Джереми Пордейдж, ту башню из «Эпипсихидиона»²², где

В окна воздух льется золотой
И дух Востока, ветром донесенный.

Но если ты мисс Вирджиния Монсипл, такое не вспомнится. Вирджиния не плавала, не любовалась видами, не размышляла об «Эпипсихидионе»; глотнув еще виски и забравшись на самую верхнюю площадку трамплина, она подняла руки, прыгнула, мягко вошла в воду, тут же вынырнула за спиной ничего не подозревавшего Пордейджа, схватила его за пояс купальника и утянула вниз.

– Вам это надо было, – пояснила она, когда, отдуваясь, он вернулся из глубины, – а то разлеглись да полощетесь, как старый этот дурак, Будда то есть. – И улыбнулась Пордейджу, выражая самое чистосердечное презрение.

Боже правый, что за монстрами наводнил замок дядя Джо. То англичанин с моноклем, разглядывающий доспехи, то этот заика, который подправлял картины, да еще человек, возившийся с дурацкими этими горшочками да цветочками, тот вообще говорить не умеет, только по-немецки, а теперь вот еще один англичанин, чучело какое-то, с виду прямо кролик и голос такой особенный – ну, как песни без слов, когда на саксофоне играют.

Джереми Пордейдж протер глаза, но по-прежнему все перед ним расплывалось – старческая дальность, он же без очков – только рядом, чуть не нос к носу, мелькает молодое смеющееся лицо, а тело сжалось, стало под водой крохотным и трепещет, так что не уловить очертаний. Редко ему доводилось находиться совсем близко к столь юному существу. Подавив досаду, он улыбнулся.

Мисс Монсипл высвободила руку, потрепав Джереми по лысине на макушке.

– Вот это да, – заметила она. – Сверкает, прямо в глазах резь. Какой там бильярдный шар! Бивень слоновий, вот что. Я вас так и называть буду. Пока, Бивень! – Она отпрянула, подплыла к лесенке и, отправившись к столику, заставленному бутылками, закончила свой виски с содовой, а потом уселась на краешек кушетки, где принимал солнечную ванну, прикрыв глаза темными очками, облаченный в купальник мистер Стойт.

– Привет, дядя Джо, – сказала она, игриво подчеркивая нежность, – вы как себя чувствуете, неплохо, а?

– Отлично, Малышка, – ответил он. И в самом деле ему было хорошо; солнце прогнало прочь мрачные думы, он вновь погрузился в настоящее – в прекрасное настоящее, где он навещает больных детишек и приносит им счастье, где есть Титтельбаумы, готовые за ерундовые деньги выложить информацию, стоящую не меньше миллиона, где небо голубое, а солнышко ласково щекочет живот, где, что уж греха таить, есть малышка Вирджиния, которая кого угодно пробудит от сладкой дремы, а ему она улыбается, так улыбается, словно впрямь любит своего старенького дядю Джо, и беспокоится о нем, и, главное, не потому, что он стар или вправду доводится ей дядюшкой, о нет, ничего подобного, соль-то в другом, то есть, что стар ты лишь в меру того, насколько старым себя чувствуешь, а значит, по-стариковски себя ведешь, а он, когда дело его Малышки касается, он что, разве не молод? разве с нею как старичок обращается? Дудки, сэр, ничуть не бывало. И мистер Стойт улыбнулся: победитель, он был удовлетворен собой.

---

²² «Эпипсихидион» – поэма Шелли.

– А ты как, Малышка, хорошо? – промолвил он вслух, кладя квадратную ладонь с растопыренными толстыми пальцами на ее нагую коленку.

Полуприкрыв веки, мисс Монсипл одарила его тайной улыбкой, в которой было что-то непристойное – понимание, соучастие; послышался короткий смешок, она раскинула руки.

– Вы у солнышка поинтересуйтесь, хорошо ему? – сказала она и, смежив глаза, опустила одну руку за другой, сцепляя их на затылке, отводя назад плечи. В этой позе грудь поднималась, подчеркивая линии паха, и одновременно круглилось сзади, – должно быть, евнухи обучали подобным движениям новоприбывших в серале, прежде чем показывать султану; Джереми вспомнил, что в точности такое же видел на четвертом этаже в Пантеоне «Бeverли», где ему попалась особенно неприличная статуя.

Мистер Стойт рассматривал девочку через темные очки с видом хозяина – властитель и благодетель сразу. Вирджиния и впрямь его малышка, не только в переносном смысле слова или оттого, что он ее так называет, она и правда ему как ребенок. В его чувстве к ней соединились чистейшая отцовская любовь и самый неукротимый зов плоти.

Он снова взглянул на нее. Обласканная солнцем, оттеняемая блестящим белым шелком трусиков и лифчика кожа казалась ему особенно загорелой. Плавными, протяжными, без усилия идущими кривыми уверенно соединялось в целое все это юное тело – никаких пережимов, ничего выпирающего, четкая трехмерность. Взгляд мистера Стойта скользнул выше: каштановые пряди, под ними закругленный лоб, глаза широко расставлены, нос маленький, прямой, дерзкий и, наконец, ее рот. Ах этот рот, самое в ней необычное. Коротенькая верхняя губа как раз и придавала лицу Вирджинии особое выражение ангельской непорочности, не менявшееся, в каком бы настроении она ни находилась, и обращавшее на себя внимание, чем бы Малышка ни была занята: рассказывала похабный анекдот или беседовала с викарием, чинно склонялась над чашкой чая у себя в Пасадене или крутила с мальчишками на всю катушку, предаваясь тому, что называлось у нее «немножко пошалить», или отстаивала мессу. По строгому счету была мисс Монсипл женщиной двадцати двух лет, но эта укороченная верхняя губа в любых обстоятельствах позволяла ей выглядеть совсем подростком, не достигшим совершеннолетия. Мистера Стойта, перевалившего за шестьдесят, словно сладкий яд притягивало это утонченно извращенное несоответствие между детскостью и зрелостью, невинностью облика и искушенностью познания. Не только оттого, что он так чувствовал, Вирджиния оказывалась малышкой и метафорически, и буквально, – она на самом деле ею была.

Восхитительное дитя! Ладонь, до этой минуты неподвижно покоившаяся на коленке, медленно сжалась. Какую гладкость, какую роскошную, неподдельную упругость ощущали сильные пальцы, схожие – особенно отставленный большой – с лопатой.

– Джини! – пробормотал он. – Малышка моя!

Малышка приоткрыла большие голубые глаза, уронив руки по бокам. Спина, освобождаясь от напряжения, выпрямилась, поднятая грудь вздымалась и опадала, точно живое, мягкое существо, взыскующее отдыха. Она улыбнулась.

– Вы мне зачем больно сделали, дядя Джо?

– Я бы тебя съел, – ответил ей дядя Джо тоном расчувствовавшегося каннибала.

– А я драться буду!

– Котенок драчливый. – Мистер Стойт засмеялся в умилении.

Джереми Пордейджа, который все так же безмятежно оглядывал окрестную панораму, декламируя про себя «Эпипсихидион», как раз в эту минуту угораздило обернуться и бросить взгляд на кушетку; он так смутился, что стал тонуть и вынужден был изо всех сил заработать руками и ногами, чтобы не уйти на дно. Шлепая по воде, он добрался до лестницы, вылез и, даже не вытершись, поспешил к лифту.

– Нет, уму непостижимо, – бормотал он, всматриваясь в полотно Вермеера. – Уму непостижимо!

– Я кое-какие дела нынче утром устроил, – сказал мистер Стойт, когда Малышка села прямо.

– Какие это?

– Славное дельце, – ответил он. – Может, будут деньги, и неплохие. Настоящие деньги, – это было сказано с нажимом.

– И сколько?

– Может, с полмиллиона, – осторожно сказал он, скрыв, на что рассчитывает. – Глядишь, и миллион, а то и побольше.

– Дядя Джо, – воскликнула она, – вы прямо чудесный!

В голосе ее звучала неподдельная искренность. Она и правда считала, что он чудесный. В мире, где она обреталась, было аксиомой, что человек, способный заработать миллион, – не меньше как чудо. Родители, друзья, школьные педагоги, газеты, радио, рекламные плакаты – впрямую или подразумеваемо, все с единодушием внушали, что такая личность чудо, и только. А кроме того, любила Вирджиния своего дядю Джо. Он устроил так, что она чудесно проводит время, и она ему благодарна. И еще ей нравится относиться к людям с симпатией, если этому ничто не мешает, нравится доставлять им радость. Доставляешь им радость и самой хорошо, пусть они даже старички вроде дяди Джо, и, чтобы их порадовать, приходится кое-что такое делать, что не очень-то ей симпатично.

– Вы прямо чудесный! – повторила она.

Ее восторг пробудил в нем чувство настоящего довольства собой.

– Ну что ты, это ведь так просто, – ответил он с лицемерной скромностью, втайне снедаемый жаждой новых похвал.

И Вирджиния с ними не замедлила.

– Просто, как же! – решительно парировала она. – Я говорю, вы прямо чудесный, не спорьте. Вот и все, молчите уж лучше.

Растрогавшись, мистер Стойт ухватил пальцами чуть не все ее колено и принялся с нежностью его поглаживать.

– Вот dokonчу это дельце, тебе подарочек будет, – пообещал он. – Ты мне скажи, Малышка, чего тебе хочется?

– Хочется? – отозвалась она. – Да ничего мне не надо!

Равнодушие ее не было наигранным. Она в самом деле никогда не соглашалась, чтобы ее вознаграждали вот так, с откровенностью. Когда она испытывала желание – ну, хоть стаканчик содовой с мороженым, или немножко пошалить, или примерить норковую шубку, мелькнувшую в витрине, – вот тут она этого хотела, хотела немедленно, не желала ждать. А насчет отдаленных желаний, которые надо наперед обдумывать, – нет, так она не согласна. Самое лучшее в ее жизни неизменно заключалось в сиюминутной радости, за которой шла другая, и еще другая, и так все время; если же обстоятельства вынуждали Вирджинию выйти из состояния бездумного вечного блаженства, вокруг нее оказывался мирок тесный и унылый, где и мечтать-то не о чем, потому что неделя, ну пусть две недели – и мечты эти сбудутся либо не сбудутся, только и всего. Даже когда она танцевала в кордебалете за восемнадцать долларов в неделю, Вирджинии в голову не приходило поразмыслить о деньгах, о будущем, о печальных перспективах, если вдруг что-нибудь случится с ее ножками и ее выгонят. А тут как раз появился дядя Джо, и все сразу устроилось, точно на дереве вдруг выросло, – и бассейн вырос, и коктейли, и шкафчик парфюмерный. Только руку протяни, и сорвешь плод, какой пожелаешь, – вот как дома, в Орегоне, срывала она поспевшие яблоки. Что ей подарить? Да ничего не надо, зачем ей какие-то подарки! И ей же понятно: дяде Джо ужас как в ней нравится, что она ни о чем не просит, а если дядя Джо доволен, ей тоже становится хорошо.

– Спасибо, дядя Джо, я же говорю, ничего мне не надо.

– Вы уверены? – вдруг прямо за спиной у них послышался чей-то голос. – Раз так, тогда я кой о чем попрошу.

И доктор Зигмунд Обиспо – темноволосый, щегольски подтянутый, схожий с дерзким карточным игроком, быстро подошел к их кушетке.

– Точнее говоря, попрошу у нашего великого бизнесмена разрешения впрыснуть полтора кубических сантиметра тестостерона в *gluteus medius*, – пояснил он. – А вас, ангел мой, попрошу удалиться. – С Вирджинией он разговаривал тоном, в котором соединились презрение, насмешка и нескрываемое желание. – Одна нога здесь, другая там! – Привычным жестом он потрепал ее по плечу, а когда Вирджиния поднялась, освобождая место, другой рукой похлопал по шелковому заднику.

Она резко обернулась, решив его оборвать, но, переведя взгляд с раздувшегося холмика волосатой плоти, которую представлял собой мистер Стойт, на красивое лицо доктора с его оскорбительно саркастической ухмылкой и льстившим ей зазывным выражением глаз, передумала: вместо того, чтобы объяснить ему, куда именно должен он отправляться, просто скорчила рожицу и высунула язык. Думала поставить его на место, но непонятно для самой вышло так, что она принимает его дерзости, готова с ним поиграть в эти нехорошие игры и вроде как предала дядю Джо. Бедненький дядя Джо, подумалось ей, испытывавшей в эту минуту страстное сочувствие к своему старичку. На миг ей стало очень стыдно за себя. Вся беда, конечно, в том, что доктор Обиспо такой красивый, и смешить ее умеет, и ухаживает так, что ей нравится, и приятно его поддразнивать, а потом смотреть, как он ей ответит. Приятно даже выходить из себя, когда он прет уже слишком напролом, а он только напролом и действует.

– Подумаешь, новый Дуглас Фэрбенкс нашелся, – сказала она, стараясь, чтобы это прозвучало язвительно, и, ступая со всем достоинством, какое можно сохранить, когда на тебе только две белые полосочки из шелка, подошла к парапету, откуда открывалась просторная панорама. Фигурки размером не больше муравьев копошились среди апельсиновых деревьев. Интересно, подумала она, что они там делают, но тут же эта ленивая мысль исчезла, выплыли предметы более занимательные и прямо ее касающиеся. Зиг, в частности, и тот факт, что она, надо признать, испытывает явное волнение, когда он рядом, хотя бы и вел себя нахально, как вот сейчас. А что, если как-нибудь, ну, не сию минуту, потом, просто посмотреть, какой он на самом деле, а то в замке бывает скучновато... Бедненький дядя Джо! – думала она. Однако на что он, собственно, может рассчитывать, в его-то годы, когда она такая молодая. Еще удивляться надо, что все эти месяцы она ему не давала никаких поводов ревновать, если, понятно, позабыть про Эниду и про Мери Лу, хотя она-то не забывает, она-то на самом деле не такая, вовсе не такая, а раз уж так вышло, будем считать, что просто все нескладно получилось, было вообще-то неплохо, да ладно, пустяки какие. А вот если у нее начнется с Зигом, все по-другому пойдет, правда, тоже не очень-то всерьез, не то что с этим Уолтом, даже с крошкой Батером там, в Портленде. И по-другому, чем с Энидой и Мери Лу, ведь с мужчинами всегда получается как-то напряженно, хотя совсем не хочешь, чтобы тебя это по-настоящему трогало. По этой вот единственной причине и не надо бы с мужчинами связываться, да кроме того еще и грех, конечно, но о грехе почему-то не очень думаешь, если красивый мужчина за тобой приударит (а что уж толковать, Зиг очень красивый, правда, он, пожалуй, в стиле Альфреда Менжу, но вот эти смуглые шатены, мажущие волосы маслом, ее всегда всего больше волнуют). А после коктейля-другого ужасно тянет что-то этакое испытать, и даже в мыслях не удержишь, что это грех, ну и одно за другим, заметить не успеешь, как все уже произошло, и честное слово, не понимает она, что уж тут такого ужасного, как говорит отец О'Рейли в церкви. Пресвятая Дева скорее поняла бы все это и простила, конечно, ну и манеры у отца О'Рейли, кошмар какой-то, за столом, когда в замок приезжает, свинья да и только, по-другому не скажешь, уж и обжирается он, хотя обжорство тоже грех, не меньший, чем то другое, не так разве? А еще назидает, назидает...

– Нуте-с, как самочувствие пациента? – осведомился, передразнивая старых сиделок, доктор Обиспо, занявший место Вирджинии на кушетке. Настроение у него было великолепное. В лаборатории эксперимент продвигался с негладким успехом; новая рецептура солей превосходно сказывалась на желчном пузыре и печени; перевооружение шло полным ходом, его акции поднялись еще на три пункта – правильно сделал, что вложил деньги в авиацию; Вирджиния, никаких сомнений, капитулирует уже совсем скоро.

– Как себя с утра чувствовал наш бедный больной? – подчеркивая, что шутит, продолжал он с утрированным английским акцентом – после университета доктор год стажировался в Оксфорде.

Мистер Стойт промышлял что-то невнятное. Игривость доктора Обиспо отчего-то неизменно повергала его в ярость. Трудно определить, почему именно, но в ней было нечто осознанно дерзкое. Болтовня Обиспо, такая вроде бы добродушная, всякий раз заставляла мистера Стойта ощутить, что в действительности за нею скрывается обдуманное и злое презрение. От этой мысли у мистера Стойта закипала кровь. А когда кровь кипит, давление, он знал, лезет вверх и жизнь укорачивается. Нельзя ему выходить из себя, хотя Обиспо просто на это провоцирует. И еще хуже, без Обиспо ему никак не обойтись. Доктор этот – неотвратимое зло. «Бог есть любовь. Смерти нет». Но мистер Стойт с ужасом вспомнил о перенесенном ударе, о том, что стареет. Обиспо поставил его на ноги, чуть не из могилы вытащил, обещал еще лет десять, даже если ничего не выйдет из его опытов, хотя есть надежда на удачу. Тогда двадцать лет жизни, нет, тридцать, сорок. Чем черт не шутит, вдруг этот хамоватый еврейчик сумеет доказать, что миссис Энди-то дело говорила. И кто знает, вдруг окажется, что смерти на самом деле больше не будет – уж во всяком случае, для дяди Джо. Вот было бы замечательно! Ну, а покуда... мистер Стойт вздохнул: глубоко, отрешенно. «Каждому свой крест», – сказал он себе, десятки лет спустя повторив те самые слова, которые произносила его бабушка всякий раз, как надо было давать ему касторку.

Тем временем доктор стерилизовал иглу, набрал лекарство из стеклянной ампулы, заполнил шприц. Когда он занимался своим делом, каждое его движение отличалось отработанным изяществом – точностью выразительной и любующейся собой. Словно он был сразу и танцовщиком на сцене, и зрителем, который восхищается артистом из зала, привередливым зрителем, искушенным, и все-таки – какой балет! Нижинский, Карсавина, Павлова, Мясин – все вместе в одном представлении. Гром аплодисментов, шквал оваций – но ведь заслуженных.

– Вы готовы? – спросил он наконец.

Безропотно, молчаливо, как дрессированный слон, мистер Стойт перевернулся на живот.

Глава 5

Джереми переоделся и теперь сидел в подземном хранилище, которому предстояло сделаться его кабинетом. Пересохшая разъедающая пыль старинных документов кружила ему голову, словно он нанюхался ядовитого снадобья. Лицо его пылало, пока он раскрывал блокноты, точил карандаши; на лысине поблескивал пот, глаза за бифокальными стеклами сверкали от возбуждения.

Ну вот! Все готово. Он повернулся на кресле и какое-то время сидел неподвижно, смакуя собственные предчувствия. Архив Хоберков, упрятанный в бесчисленные пакеты из оберточной бумаги, ждал своего первого читателя. Двадцать семь ящиков еще никем не тронутых брачных наслаждений интеллекта. Он улыбнулся, подумав: я-то и буду для них Синей Бородой. Тысячи таких наслаждений, заготовленных на века многими поколениями неугомонных Хоберков. Одна генерация за другой: рыцари, затем бароны, потом графы, наконец графы Гонистер – колено за коленом, до самого последнего, восьмого. А после восьмого – только погребальные ритуалы, да разваливающийся дом, да две ветхие старые девы, которым с каждым годом все более одиноко, и все более поработают их странности обихода, и бедность, и тщеславные воспоминания, хотя что уж там говорить, бедность – увы! увы! – поработила всего сильнее. Клялись, что с архивом не расстанутся никогда, а кончилось тем, что приняли предложение мистера Стойта. И бумаги перевезли в Калифорнию. Что же, старухам теперь хватит на запоминающиеся похороны. И на этом летопись Хоберков завершится. Прелестный фрагмент английской истории! Поучительный к тому же, а верней, куда верней – бессмысленный, повесть, рассказанная идиотом, только и всего. А в этой повести головорезы и конспираторы, взятые в фавориты королями, которых тянуло к извращениям, забытые поэты и адмиралы, и сводники, и блаженные, и героини, и нимфоманки, да еще редкостные дебилы, и премьер-министры, и собиратели живописи, и садисты. От всех них только и осталось, что вот эти двадцать семь ящиков в беспорядке сваленных бумаг, которые никто не переписал, не просмотрел – начинай с самого начала. С вождением взирая на свое сокровище, Джереми позабыл об усталости, о дороге, Лос-Анджелесе, водителе, о кладбище и замке, даже о мистере Стойте. Вот они, бумаги Хоберков, и принадлежат они ему одному. Словно ребенок, впивающийся зубками в пирожок, чтобы побыстрее добраться до запеченной в нем – он точно знает! – монетки, Джереми схватил первый подвернувшийся пакет из ближайшего ящика и рванул шпагат. Какая грудa богатств лежала перед ним на столе! Записи семейных расходов за 1576 и 1577 годы; письмо какого-то юного Хоберка, младшим офицером участвовавшего в экспедиции сэра Кенелма Дигби в Скандерун; пятнадцать писем по-испански, адресованных Мигелем де Молиносом²³ леди Энн Хоберк, которая скандализировала свое семейство, обратившись в папскую веру; подборка рецептов – по почерку судя, начало восемнадцатого века; экземпляр трактата Дрелинкура «О смерти»; старинное издание Андреа де Нерсиа²⁴ – «Фелиция, или Мои безумства». Он вскрыл следующий пакет и гадал, чья это потускневшая каштановая прядь заложена между страницами рукописи «Размышлений о последнем папистском заговоре», представляющей собой авторский оригинал третьего графа Хоберка, когда в дверь постучали. Джереми открыл, увидев перед собой низкорослого смуглого человечка в белом комбинезоне, направлявшегося прямо к нему.

²³ Молинос, Мигель де (1628–1696) – испанский священник (1628–1696), проповедник квиетизма; осужден папой Иннокентием XI и умер в тюрьме.

²⁴ Нерсиа, Андреа де (1739–1800) – французский офицер, автор скандальных эротических романов.

– Не хочу вас тревожить, – заговорил тот, хотя потревожить Джереми еще не успел. – Моя фамилия Обиспо. Доктор Зигмунд Обиспо, личный врач Его Величества короля Стойта Первого, будем надеяться, также и последнего.

Явно в восторге от собственного юмора, он разразился громким неприятным смехом, который отдавал чем-то металлическим. Затем капризным жестом аристократа, вынужденного копаться во всяком мусоре, подцепил одно из писем Молиноса и, уставившись в причудливые завитки, до которых были так охочи каллиграфы семнадцатого столетия, принялся вслух разбирать первую строку:

– «Ате a Dios cote es en sî y no coto se lo dice y forma su imaginacion»²⁵. – Он взглянул на Джереми, посмеиваясь. – Думаю, это легче сказать, чем сделать. Куда там, даже женщину невозможно любить, какова она есть, а как ни крути, женщина создает объективные физические предпосылки для любви. Иной раз даже очень милые предпосылки, кстати. Бог же, увы, есть только дух, иначе говоря, продукт чистой фантазии. А этот кретин, не знаю, кто именно, наставляет другого кретина, что нельзя, видите ли, любить Бога, каким он сотворен фантазией. – И, по-прежнему держась аристократом, он презрительно отбросил листок небрежным движением руки. – Какая чепуха! – продолжал он. – Словеса, словеса – и это называется религией. Другие словеса – вот вам философия. Еще пять-шесть пустейших фраз, и уже толкуют о политических идеях. А на самом деле одни словеса, либо бессмысленные, либо туманные. Причем из-за этих словес люди теряют голову и готовы в два счета ухлопать ближнего по той причине, что он употребил какое-нибудь слово им не по вкусу. Хотя слово это, возможно, полная бессмыслица – упражнение голосовых связок, только и всего. Шумовой эффект, абсолютно лишенный резона, хотя бы того, что есть у пищеварения, – ветры-то испускать надо. «Ате a Dios cote es en sî», – повторил он насмешливо. – Все равно, что сказать: икни, но чтобы икнулось без фантазии. Ума не приложу, как вас, гуманистиче-ских, литераторов, от такого не тошнит. Неужто вас никогда не бесит, что смысла тут искать нечего?

Джереми нервно улыбнулся, словно извиняясь.

– Смысл в данном случае отнюдь не главная забота, – сказал он. И, упреждая новые нападки, которыми собеседник постарается дискредитировать его самого и то, что он любит больше всего на свете, добавил: – Знаете, занятия эти приносят такое удовольствие, ну просто вот когда роешься во всяком старье.

Доктор Обиспо засмеялся, поощрительно похлопывая Джереми по плечу.

– Молодчина вы! – сказал он. – По крайней мере, откровенно. Вот так мне нравится. А то эти профессора, по опыту сужу, все сплошь Пекснифы²⁶. Вечно тянут бесконечные свои разговоры про величие культуры и так далее. Ну, сами знаете: главное – идеи, а знание вторично, и Софокл важнее всех наук. «Странное дело, – отвечаю я им в таких случаях, – получается, то ремесло, которое лично вас кормит, оно-то и спасет людской род». Вы хоть не пытаетесь представить свою профессию высшей необходимостью для человечества. Вы честный. Признаётесь, что для вас она удовольствие, и только. Ну, а я по тем же соображениям выбрал свое ремесло. Хотя, если бы вы тоже завели эту тягомотину про Софокла и прочее, я бы тут же вам целую лекцию прочел про науку, которая есть двигатель прогресса, гарантия счастья, даже про неизбежность постижения конечной истины потолковал бы, начни вы со мной спорить. – Обнажив безупречно белые зубы, он сверкнул улыбкой, полной беспечного презрения ко всему на свете.

Насмешливость оказалась заразной. Джереми тоже улыбнулся.

– Что ж, хорошо, что обошлось без споров, – сказал он со строгой сдержанностью, призванной подчеркнуть, что посягательства на конечную истину недопустимы.

²⁵ Люби Бога, каков Он есть, не Того, кого сотворяют молва либо твоя фантазия (исп.).

²⁶ Пексниф – персонаж романа Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит».

– Заметьте, – продолжал доктор Обиспо, – я ведь не так глуп, чтобы не понимать привлекательных сторон ваших занятий. Только не надо мне навязывать Софокла. И вообще, я бы от тоски повесился, если бы пришлось сидеть над этим, – кивок в сторону ящиков. – Но признаюсь, – закончил он с любезной улыбкой, – старые книги и мне в свое время доставили массу наслаждения. Уверю вас.

Джереми кашлянул, провел рукой по лысине, моргнул; ему не терпелось сразить этого врача полным яда сарказмом. Увы, доктор Обиспо не предоставил ему для этого возможности. Явно не замечая, что убийственная шутка уже вертится у Джереми на языке, он посмотрел на часы и поднялся.

– Вам стоит взглянуть на мою лабораторию. Времени до ланча еще предостаточно.

«Нет чтобы спросить, хочу ли я осматривать эту его дурацкую лабораторию», – возмущался про себя Джереми, даваясь своим сарказмом, а ведь до чего метким. Он бы, само собой, предпочел посидеть тут над хоберковским архивом, но, не осмелившись сказать этого вслух, послушно встал и последовал за доктором Обиспо.

Длительность жизни, объяснял доктор, пока они шли по коридору. Вот чем они занимаются, продлением срока жизни. Сам он занимается этим с той поры, как получил медицинский диплом. Понятно, что он был завален практикой, времени для серьезных опытов не оставалось. Практика, заметил он, вообще фатальна для научных штудий. Чего добьешься, если весь день с пациентами возиться приходится! Больные бывают трех разновидностей: одни только воображают, будто больны, Другие больны, но потихоньку выкарабкиваются, а третьим лучше бы всего умереть. Для человека, способного к настоящей научной работе, сущий абсурд тратить силы на пациентов. И что там скрывать, он это делал исключительно по необходимости, зарабатывать-то надо. И так бы, наверное, и продолжалось год за годом. Растратил бы все свои дарования, выхаживая идиотов. Но вдруг – полная неожиданность! – колесо фортуны повернулось. К нему обратился за консультацией Джо Стойт. Улыбка судьбы, иначе не скажешь.

– Судьбы ужасная улыбка, – пробормотал Джереми, цитируя любимую свою строку Колриджа.

Да, Джо Стойт, повторил доктор Обиспо, причем был он тогда совсем плох. Лишнего веса фунтов сорок, не меньше, и после удара. К счастью, не очень сильного удара, но старому мерзавцу было от чего сдрейфить. Вот-вот, перепугался до полусмерти, в буквальном смысле. (Зубы доктора Обиспо, засмеявшегося своему людоедскому каламбуру, опять обнажились.) Правда, зря он так уж запаниковал. Но ему, доктору, эта паника принесла избавление от пациентов, хороший доход и лабораторию, где можно по-настоящему заняться долголетием, плюс очень квалифицированного ассистента, да еще финансируются фармацевтические изыскания в Беркли и опыты над обезьянами в Бразилии, а кроме того, послана экспедиция изучать черепахи на островах Галапагос. Чего еще желать ученому, благо и сам дядя Джо пригодился, можно без всяких морских свинок обойтись, потому что он на любые опыты над собой согласится, если ему пообещать два-три добавочных года, ну разве что вивисекцию без наркоза не даст над собой произвести.

Вообще-то ничего такого особенного с этим старым пачкуном он сейчас не делает. Просто не дает ему разжиреть, присматривает за почками да накачивает время от времени синтетическими половыми гормонами и еще держит под наблюдением его артерии. Обычный, избитый курс для мужчин в его возрасте и с таким медицинским прошлым. А в лаборатории кое-что проясняется новенькое, важное кое-что проясняется. Еще несколько месяцев, а возможно, всего несколько недель, и можно будет сделать вполне определенные выводы.

– Очень интересно, – сказал Джереми, стараясь остаться вежливым.

Они шли по узкому, выкрашенному в белое коридору, где всюду горели лампочки. Через распахнутые двери Джереми то и дело видел просторные кладовые, заваленные индейскими тотемными столбами, средневековыми кольчугами, чучелами орангутангов, мрамор-

ными группами Торвальдсена, раззолоченными Буддами, старинными паровыми двигателями, памятниками фаллического культа, дверцами дилижансов и карет, перуанским фарфором, распятиями, образцами минералов.

Доктор увлеченно говорил о долголетьи. Эта дисциплина, снова и снова повторял он, находится еще в донаучной стадии. Множество наблюдений, но никаких гипотез и попыток анализа. Сплошная свалка фактов. И до чего странных, прямо-таки чудовищных в эксцентричности своей фактов! Отчего, например, цикада живет столько же, сколько и бык, а канарейка больше, чем три поколения овец? Отчего собаки в четырнадцать лет уже дряхлеют, а столетние попугаи полны сил? Отчего у женщин в сорок с небольшим наступает климакс, тогда как крокодилихи, которым перевалило за двести, преспокойно откладывают яйца? Кто объяснит, почему треска живет себе и живет, не старея, две сотни лет? А вот бедняга Джо Стойт...

Вдруг сбоку появились два работника, которые тащили носилки с парочкой мумифицированных монахинь. Столкнулись лоб в лоб.

– Идиоты проклятые! – злобно выкрикнул доктор.

– Сам идиот!

– Вы что, не видите, куда идете?

– Да пошел ты!

Доктор с презрением отвернулся и зашагал дальше.

– А ты вообще-то кто тут такой? – кричали ему вслед.

Задержавшись, Джереми разглядывал мумии с большим интересом.

– Босоногие кармелитки, – сказал он, ни к кому не обращаясь, и, словно странное это сочетание слов доставляло ему особое наслаждение, повторил, смакуя: – Босоногие кармелитки.

– Сам ты задница голая, – отозвался один из работников, решив отыгаться на новом противнике.

Джереми лишь мельком взглянул на его раскрасневшееся злое лицо и с постыдной торопливостью направился вслед своему проводнику.

Доктор Обиспо наконец остановился.

– Вот и пришли, – сказал он, открывая дверь. Коридор заполнился запахом мышей и ректификаата. – Входите. – В голосе его звучала приветливость.

Джереми переступил порог. Мышей и правда было множество – клетка на клетке рядами по полкам прямо перед ним. Три окна, прорубленных в каменной стене слева, выходили на теннисный корт, за которым вдали виднелись апельсиновые рощи и горы. Перед одним из окон сидел человек, что-то разглядывая в микроскоп. При их приближении он поднял красивую голову со спутанными волосами и повернулся к вошедшим; лицо его, простодушное, доверчивое, казалось почти детским.

– Приветствую вас, док, – сказал он с подкупающей улыбкой.

– Мой ассистент, – представил его доктор Обиспо, – Питер Бун. Пит, это мистер Пордейдж. – Питер поднялся; оказалось, что он настоящий юный гигант.

– Зовите меня просто Пит, – попросил он, когда Джереми обратился к нему: «мистер Бун». – Меня все так называют.

«Может, сказать ему, чтобы звал меня Джереми?» – подумал Пордейдж, но, как обычно, размышлял слишком долго, и подходящий момент был неповторимо упущен.

– Пит у нас парень умный, – начал доктор Обиспо тоном вроде бы очень дружелюбным, но, по сути, скорее покровительственным. – Физиологию отменно знает. И руки у него золотые. Никогда не видел, чтобы так здорово резали мышей. – Он потрепал своего молодого помощника по плечу.

Пит улыбнулся; Джереми показалось, чувствовал он себя несколько смущенно, словно не совсем понимал, что от него требуется в ответ на такую сердечность.

– Правда, вот политикой уж слишком увлечен, – продолжал доктор Обиспо. – Единственный его недостаток. Пытаюсь его от этого избавить. Только не очень-то пока у меня выходит, а, Пит?

Молодой человек опять улыбнулся, чуть увереннее, – он теперь понимал, к чему весь этот разговор и что ему нужно сказать.

– Верно, док, верно, – отозвался он. И, повернувшись к Джереми, осведомился: – Вы новости из Испании нынче утром слышали? – На его крупном, открытом и чистом лице появилась озабоченность.

Джереми покачал головой.

– Просто ужасно там, – Пит выглядел удрученным. – Как подумаешь об этих бедолагах, у которых ни авиации нет, ни пушек, ни...

– Так бросьте о них думать, – весело перебил его доктор Обиспо. – И все станет хорошо.

Молодой великан посмотрел на него в упор и отвернулся, не проронив ни слова. Наступила пауза; затем он достал часы.

– Пожалуй, пойду окунусь перед ланчем, – сказал он, направляясь к двери.

Доктор взял с полки одну из клеток, поднеся ее почти вплотную к лицу Джереми.

– Вот они, гормончики половые, живьем тут сидят, – сказал он с игривостью, которая Пордейджу показалась особенно неуместной. Мыши пищали, когда доктор встряхивал клетку. – Пока препарат действует, все замечательно. А плохо, что действует он не так долго.

Хотя и краткосрочными эффектами пренебрегать не стоит, пояснил он, ставя клетку на место. Кому же не захочется хоть на время почувствовать себя лучше, а не хуже, пусть тоже временно. Затем он и проводит с дедушкой Джо курс инъекций тестостерона. Правда, не сказать, чтобы старый выродок особенно нуждался в этих уколах, когда такая девчонка, ну, Монсипл, рядом...

Вдруг доктор зажал ладонью рот, оглядываясь.

– Господи помилуй, – сказал он, – хорошо, Пит вышел. Экий дуралей! – На губах его мелькнула снисходительная усмешка. – Влюблен по уши. – Доктор постучал себя по лбу. – Считает, она прямо из стихов Теннисона сюда заявила. Ну, знаете: прелесть юная, ангел непорочный и так далее. С месяц назад чуть одного не прикончил на месте, а все потому, что тот засомневался – дедушку, мол, даже ей не раскошегарить... Руками развести, и только. Поди догадайся, чем она, по его понятиям, тут занимается. Он, видно, решил, что они с дядей Джо обсуждают происхождение небесных туманностей. Ладно, пусть думает, раз ему так лучше. Я-то уж точно не стану ему портить настроение. – Доктор добродушно рассмеялся. – Итак, возвращаясь к тому, что я вам говорил насчет дяди Джо... Достаточно, чтобы эта девочка тут болталась, и никакие гормоны не потребуются. Только вот беда, гормоны действуют недолго. И никто ничего сделать не может. Браун-Секард, Воронов, все остальные – они явно не тем путем шли. Считали, что упадок половой силы является причиной старения. А на самом деле это лишь один из его признаков. Старение начинается где-то в другой области и распространяется на эрос вместе со всеми прочими функциями организма. Гормоны – только паллиатив, краткое взбадривание. Человек чувствует себя какое-то время свежим, но и в это время продолжает стареть.

Джереми с трудом подавил зевок.

– Вот некоторые животные, например, – продолжал доктор Обиспо, – живут дольше, чем люди, но почему-то никаких признаков старости у них не замечается. Мы где-то просчитались в биологическом смысле. А, допустим, крокодилы ошибки этой не сделали, и черепахи тоже. Равно как некоторые разновидности рыб. Взгляните-ка, – сказал он, пересекая комнату, и отодвинул резиновый коврик, за которым оказалось стекло вделанного в стену большого аквариума. Джереми подошел осмотреть его вблизи.

В зеленоватой затененной прозрачности, замерев, висели две крупные рыбы, почти соприкасаясь головами, неподвижно, если не замечать резких подрагиваний плавников и ритмического колебания жабер. Почти сразу за их наставленными в упор глазами тянулась к свету схожая с четками непрерывающаяся цепочка пузырьков, а вода вокруг то и дело вспыхивала серебром от метавшихся по аквариуму мелких рыбешек. Оба чудища, охваченные своим безумным экстазом, не обращали на мелюзгу ни малейшего внимания.

Карпы, объяснил доктор Обиспо, карпы из прудов одного замка во Франконии, где-то под Бамбергом, забыл, как он называется. Владельцы обеднели, но рыба в пруду считается семейной реликвией, и купить ее нельзя. Джо Стойту пришлось поиздержаться, чтобы браконьеры отловили и тайно вывезли этих двух в специально сконструированной машине с ванночкой под задним сиденьем. Шестьдесят фунтов, четыре с лишним фута в длину, а кольца на хвостах помечены 1761 годом.

– Как раз начало периода, которым я занимаюсь, – пробормотал Джереми, неожиданно заинтересовавшись. В 1761-м появился «Фингал». Он улыбнулся в душе, карп рядом с Оссианом, любимым поэтом Наполеона, рядом с первыми прикосновениями к седой кельтской старине – как изысканно! Прекрасное можно было бы сочинить эссе. Страниц двадцать: эрудиция пополам с абсурдом, этакое прециозное святотатство, изощренная, лукавая непочтительность истинного знатока по отношению к мертвым, неважно – знаменитым, незнаменитым.

Но доктор Обиспо не позволил ему мирно насладиться такими мыслями. Неутомимо нахлестывая любимого конька, он вновь пустился разглагольствовать. Вот, полюбуйтесь, говорил он, указывая на могучих рыб, им почти двести лет, а совершенно здоровы, ни единой приметы старости, отчего бы им не прожить еще века три-четыре. Полюбовались? А теперь присмотритесь к себе. Он обернулся к Джереми, словно его в чем-то обвиняя. Нет, вы присмотритесь, не увиливайте: всего половина жизненного срока позади, а уже лысина, уже дальноркость да и одышка тоже имеется; зубов уже половины не наберется, физического напряжения и пяти минут не выдержите, запоры-то часто случаются (ладно, ладно, нечего краснеть), а память совсем прохудилась, и пищеварение барахлит, и потенция подводит – или, может, ее уж и не осталось вовсе, а?

Джереми заставил себя улыбнуться, кивая после каждого предположения, словно бы со всеми шутиливо соглашаясь. Его бесила эта даже чрезмерная точность диагноза, и в глубине души он полыхал гневом к диагносту за беспощадность его научных выкладок. Одно дело с комическим самоунижением толковать, что, мол, ужасно быстро стареем, совсем другое – когда это в лоб говорит некто, испытывающий к тебе интерес лишь в силу того, что ты почему-то непохож на рыбу. Тем не менее Джереми все улыбался да поддакивал.

– Ну вот, – завершил свою лекцию доктор, – взгляните на себя, а потом на карпов. Почему же вы не сумели управиться со своей физиологией, как умеют они? В чем именно состоит ваша ошибка, когда и где вы сделали что-то не так? а теперь расплачиваетесь шатающимися зубами, выпавшими волосами и могилой, ожидающей вас всего через несколько лет.

Вопросами этими занимался старик Мечников и предложил смелые ответы. Все, что утверждал он, понимается неверно: фагоцитоза нет; кишечная интоксикация не является единственной причиной старения; невромы – сплошной миф, чудовищная выдумка; пей сырое молоко хоть ведрами – жизни это не продлит, а если удалить толстую кишку, уж точно укоротишь свои дни на земле. Посмеиваясь, доктор вспоминал операции, вошедшие в такую моду как раз перед Большой войной. Эти почтенные матроны, эти преклонных лет джентльмены, которым удалили толстую кишку, отчего им приходилось испражняться каждые несколько минут, ну прямо канарейки! И все, незачем пояснять, напрасный труд, потому что операция, сулившая, что пациенты проживут лет до ста, приканчивала их через год, максимум через два. Откинув свою набриолиненную голову, доктор Обиспо разразился приступом развязного хохота, какие у него всегда вызывали свидетельства человеческих глупостей, увенчанных ката-

строфой. Бедняга Мечников, заметил он, утирая от смеха глаза. Во всем ошибался. Но уж наверняка не так грубо ошибался, как тогда полагали. Ошибка была в том, что он так сильно упирал на кишечный стаз и интоксикацию. Но в общем-то не напрасно ему казалось, что весь секрет там, в кишечнике. Да, где-то в кишечнике, повторил доктор Обиспо, а главное, он скоро до этого секрета докопается. Он помедлил и с минуту стоял молча, постукивая пальцами по стеклу аквариума. Застывшие между тиной и воздухом два престарелых раздобревших карпа, выделявшиеся на зеленоватом сумеречном фоне, явно его не заметили. Доктор пригрозил им пальцем. Самые неподходящие для опытов твари, хуже не бывает, пробурчал он недовольно, однако в сказанном чувствовалась некая мрачная гордость. Пусть при мне не вздумают сетовать на технические сложности, если с рыбами не работали. Возьмите хоть самую простую вещь, и сразу черт знает что. Пробовали как полагается смочить жабры, когда на столе делают рыбе анестезию? А под водой оперировать не приходилось? Обмен веществ у рыб определить не пытались, или, может, кардиограмму у них снимали, давление мерили? Вам не любопытно ли сделать анализ их экскрементов? Любопытно? – что ж, попробуйте для начала их собрать. Или вот, не угодно ли заняться химией рыбьего пищеварения, усвоения корма? Установить, как меняется давление в разных условиях? Измерить скорость нервных реакций?

Вот попробовали бы, кричал доктор, испепеляемый презрением. А не пробовали, так нечего и скулить.

Он задернул занавески аквариума и, взяв Джереми под руку, отвел его обратно к мышам.

– Посмотрите вон на тех, – сказал он, обводя рукой клетки на верхней полке.

Джереми поднял глаза. Мыши ничем не отличались от всех остальных.

– А что в них такого? – осведомился он.

– Будь это люди, – засмеялся Обиспо, – их возраст уже перевалил бы за сотню. – В голосе его появилась торжественность.

И опять – возбужденно, напористо – он начал рассказывать о жирных спиртах, о кишечной флоре карпов. Потому что тут-то и лежит ключ ко всей проблеме старения и долголетия. Вся загвоздка в стеринах и в том, какая флора у карпов в кишках.

Уж эти мне стерины! (Доктор, нахмурившись, покачал головой, точно бы их укоряя.) Обязательно приводят к старению. Взять хоть холестерин для наглядности примера. О том, что организм ветшает, можно судить по отложению холестерина на стенках артерий. Тиоцианид калия, правда, их вроде бы растворяет. Если ввести тиоцианид калия стареньким кроликам, они явно оживают. Значит, и человеческий организм встрепенется. Но, увы, опять-таки ненадолго. Холестерин в артериях – только одна из многих проблем. Да ведь и сам холестерин – лишь один из многих стеринов. А их целая группа, этих жирных спиртов. Совсем нетрудно каждый из них превратить в любой другой. А если вам известны работы старика Шнееглока и те исследования, которые велись в Упсале, вы должны знать, что среди стеринов есть ужасно вредные, намного вреднее холестерина, даже в больших отложениях. Лонгботтем пошел еще дальше, предполагая связь между жирными спиртами и неоплазмами. Короче, рак в общем и целом можно рассматривать как свидетельство отравления стеринами. А он, Обиспо, скажет и больше: это вот отравление составляет основную причину старческих процессов дегенерации у человека и прочих млекопитающих. Просто пока никто еще не занялся наблюдением над тем, как воздействуют жирные спирты на организмы, подобные карпым. А он этому посвятил весь прошлый год. И выяснил несколько вещей: во-первых, что жирные спирты у карпов не накапливаются в чрезмерном количестве, во-вторых, они не образуют еще более вредные стерины, а главное, эти благотворные факторы объясняются особенностями кишечной флоры. Ах, какая у карпов флора! – воскликнул доктор, полный восторга. До чего богатая, разнообразная – изумительно! Ему пока еще не удалось определить тот орган, который и делает карпов неуязвимыми для атак старости, и он не до конца разобрался в природе химических процессов, с этим связанных. Однако самое важное установлено. Тем или иным способом, взаимодействуя

или создавая специальный орган защиты, карпы несомненно развили способность, благодаря которой стерины не превращаются у них в яды. Оттого карп спокойно живет себе двести лет, и никакого старения у него не замечается.

Ну, а возможно ли кишечную флору карпа пересадить в толстую кишку млекопитающего? И если она приживется, возникнут ли те же самые биологические и химические эффекты? Это-то все последние месяцы он и старался определить. И поначалу без успеха. Но вот недавно они придумали новую методику, которая позволяет защитить флору от процессов, вызываемых пищеварением, и дает некоторое время на приспособление к новой среде. Флора прижилась. На мышей она подействовала немедленно и очень существенно. Старение остановилось, даже начался обратный процесс. Физиологически мыши теперь моложе, чем были, по меньшей мере, восемнадцать месяцев назад, моложе теперь, когда им, по человеческим меркам, сто лет, чем были, когда по этим меркам их возраст равнялся шестидесяти.

В коридоре прозвучал электрический звонок. Час ланча. Собеседники покинули лабораторию и направились к лифту. Доктор Обиспо все продолжал свою повесть. На мышей, заметил он, вполне полагаться нельзя. Теперь попробуем применить ту же методику к более крупным животным. Если окажется, что у собак или у павианов результаты такие же, она должна дать схожий эффект и у дяди Джо.

Глава 6

В маленькой столовой обстановка была преимущественно из брайтонского Павильона. Четыре позолоченных дракона служили опорами покрытого красным лаком стола, еще два в виде кариатид поддерживали крышку над камином, сделанную из того же материала. В дни Регентства²⁷ так представляли себе восточную роскошь. Что-нибудь в таком духе, размышлял Джереми, усаживаясь на свой пурпурный с золотом стул, да, нечто подобное должно было представляться Китсу, когда при нем заговаривали о Древнем Китае, как, впрочем, представлялось и Шелли, и лорду Байрону, – и точно так же эта пленительная «Леда» работы Этти, висящая вон там, рядом с «Благовещением» Фра Анжелико, с абсолютной достоверностью доносит их верования касательно языческой мифологии: превосходно подошла бы (он чуть не захихикал от этой мысли вслух) в качестве иллюстрации для всех их од Психее и Греческой вазе, для «Эндимиона», для «Прометея Прикованного». У любой эпохи собственные идеи, и чувства, и фантазии, которые отличают всех, кто этой эпохе принадлежит, без всякого исключения, будь то случайный прохожий или личность, отмеченная гениальностью. Регентство всегда узнаваемо, оно Регентство, берешь ли образчик с поверхности или залезаешь на самое дно корзинки. В 1820-е годы каждый, устремивший взор внутрь себя, чтобы вообразить чудесные гроты, у которых пенной волной бьется волшебное море, должен был увидеть – что? Да башни брайтонского Павильона. Соображение это заставило Джереми самодовольно улыбнуться. Этти и Китс, брайтонский Павильон и Перси Биши Шелли – потрясающая тема! Куда более захватывающая, нежели карп в сопоставлении с песнями Оссиана, ведь Нэш²⁸ и принц-регент, во всяком случае, поинтереснее какой-то старой рыбы. Не поднимать же ее, впрочем, за столом, где о таких вещах словом перекинуться не с кем. Любопытно, есть здесь хоть кто-то, кого бы такие материи увлекали, кто способен вести о них речь? Мистер Стойт, понятно, исключается, равно как мисс Монсипл и эти две юные ее гости, явившиеся из Голливуда к ланчу; доктору Обиспо мыши важнее всех книг на свете; что до Питера Буна, он, похоже, вообще не ведает о существовании интересных книг. Единственное лицо, которое, быть может, испытает некий трепет, задумавшись о психологии последних Георгов, был джентльмен, представленный Джереми как профессор Хуберт Малдж, доктор философии, магистр богословия и президент колледжа Тарзания. Доктор Малдж, однако, в настоящий момент патетически, словно произнося проповедь перед паствой, рассуждал о новом учебном корпусе, презентованном колледжу мистером Стойтом, – вскоре предстояла церемония официального открытия. Этот доктор Малдж был крупный, видный мужчина с подобающим такой наружности голосом – звучным, но вместе с тем обходительным, ласкающим, но непреклонным. Говорил он неспешно, однако уверенно и без единой запинки. Фразами, в которых каждое второе слово надлежало бы выделить прописными буквами, он заверял мистера Стойта и всех своих любезных слушателей, что для обучающихся в Тарзании явится Великим Благом предоставленная возможность собираться в превосходном новом корпусе, чтобы Сообща Посвятить Себя Высоким Занятиям. Например, Религиозным Ритуалам вне различия вероисповеданий, или же Изучению Лучших Свершений Поэтической и Драматической Музы. Да, дар этот бесценен! Многие поколения тарзанских Питомцев и Воспитанниц с сердечной благодарностью и любовью будут вспоминать имя Стойта, вспоминать его, можно не сомневаться, всегда; и сей Учебный Корпус есть *monumentum aere perennius*, да, Монумент, коий не погребет Время под своими Песками, – истинный, вековый монумент. Позвольте же, продолжал доктор Малдж, перемежая свою

²⁷ 1810-е годы.

²⁸ Нэш, Джон (1757–1835) – английский архитектор, построил комплекс домов у Риджент-Парка, места королевской охоты.

речь кусочками цыпленка под соусом, упомянуть теперь о том, сколь необходима Тарзании новая школа Искусств. Ибо не убедились ли мы сами, сколь помогают Искусства истинному Образованию. И Дух Веры в наше Двадцатое Столетие также себя выражает всего яснее посредством Искусств. В Искусствах дано Личности наиболее полно осуществить свое Творческое Начало, поскольку...

«Рехнуться можно, – подумалось Джереми, – да замолчи ты, наконец». И он улыбнулся, вспомнив, что вот с этим-то болваном намеревался поболтать о том, что связывает поэзию Китса и брайтонский Павильон.

* * *

Питер Бун увидел, что от Вирджинии его отделяет ее юная подруга из Голливуда, та, у которой головка посветлее, и остается лишь любоваться Вирджинией на фоне румян и наклеенных ресниц, золотистых завитков и густого, почти зримого аромата гардений. Всякому другому подобный фон стал бы некой пленительной помехой, однако Питу было безразлично – что духи, что столь же сильный запах помоев. Интересовало его лишь находящееся за помехой – изящно подкороченная верхняя губка, крохотный носик, при виде которого наворачивались растроганные слезы: такой он был элегантный и дерзкий, такой забавный, такой ангелоподобный; и длинные, по-флорентийски зачесанные пряди, сверкающие под солнцем переливами каштанового цвета; и эти широко расставленные огромные глаза с их обманчивой живостью и темно-голубыми глубинами, где, он не сомневается, таятся неиссякаемая мудрость и нежность, не знающая пределов. Он был так в нее влюблен, что на месте сердца ощущал лишь побаливающую пустоту, заполнить которую могла она одна.

А она болтала себе с этой златоглавой Помехой насчет нового контракта, который Помеха заключила только что со студией «Космополитен-Перельмутер». Картина называлась «Подбери мне чулочки», и Помехе предстояло в ней воплотить богатую девицу, которая, только начав выезжать в общество, сбегает из дома, чтобы устроить свою жизнь самостоятельно, становится звездой стриптиза в каком-то шахтерском городишке на Западе и под конец выходит за ковбоя, а тот оказывается сыном миллионера.

– Чудная история! – сказала Вирджиния. – А вы как думаете, Пит?

Пит был с нею совершенно согласен, он с радостью подумал бы все, что она найдет правильным.

– Кстати, расскажите про Испанию, – прощепетала Вирджиния. И пока Джереми, который прислушивался к их разговору, лихорадочно пытался сообразить, как это у нее оказались кстати «Чулочки» и Гражданская война, – связались ли в целое «Космополитен-Перельмутер», антисемитизм, франкизм, нацизм, или беглянка, классовая борьба, Москва, Негрин, или стриптиз, дух нынешнего времени, радикализм, Республика, – пока он прокручивал все эти варианты, Вирджиния тормозила молодого великана, чтобы он им рассказал про свои испанские приключения, а когда он замялся, потребовала с настойчивостью – ведь это так интересно, и Помеха никогда про это не слышала, да наконец, ей вот хочется, и нечего ломаться.

Пит послушно кивнул. Чередуя ходовые словечки с газетными фразами, – Джереми, втихомолку подслушивавший, насколько позволяло бубнящее красноречие доктора Малджа, подумал: вот он, убогий, нищенский, ковыляющий лексикон, к которому прибегают столько молодых американцев и англичан из страха показаться небанальными, а значит, третирующими свою компанию, или высокомерными, стало быть, недемократичными, или же вовсе снобами, что совсем уж не годится, – спотыкаясь, уснащая свой рассказ междометиями, Пит на мерзком этом жаргоне принялся описывать те героические месяцы 1937 года, которые провел добровольцем в Интербригаде. Повесть выходила захватывающая. Хотя речь Пита безнадежно хромала, Джереми не составило труда уловить, что юноша этот действительно верит в справед-

ливість и свободу, что он по-настоящему храбр, предан своим товарищам и даже здесь, рядом с капризным ротиком, в атмосфере, где все благоприятствует научным занятиям, его снедает тоска по жизни среди людей, посвятивших себя своей идее, готовых встретить лицом к лицу любую опасность, не страшившихся ни лишений, ни всегда близкой угрозы гибели.

– Да чего там, – то и дело повторял он, – настоящие были парни, уж поверьте.

Все они были настоящие – Кнут, однажды спасший его там, в Арагоне, и Антон, Мэк, бедняга Дино, которого убили, и Андре – тому отрезали ногу; а у Яна остались дома жена и двое малышей; про Фрица и говорить нечего – он полгода сидел у нацистов в лагере, да и вообще чего там, лучше парней в мире не найти. А вот он хорош гусь, нечего сказать, – сначала подхватил ревматизм, и пришлось ребятам столько с ним возиться, а потом бац! миокардит, и значит, прощай, солдатская служба: на что он годен, если двигаться не может. Поэтому он сюда и приехал – это было сказано извиняющимся тоном. Да ладно, чего там, он все-таки кое-что в жизни повидал! Вспомнить хотя бы, как они с Кнутом сделали ночную вылазку, переползли через расщелину и, застав врасплох целый взвод мавров, половину перестреляли, а вернулись с пулеметом, с тремя пленными...

– Позвольте поинтересоваться, что вы думаете о Творческом Развитии Личности, мистер Пордейдж?

Смущенный тем, что его так явно поймали на невнимании к оратору, Джереми виновато забормotal:

– Творческое развитие? Ну конечно, конечно, – он пытался выиграть время. – Обязательно, просто необходимо. Я всей душой за творческое развитие, – закончил он с пафосом.

– Приятно это слышать, – сказал доктор Малдж. – Поскольку мы в Тарзании именно этого и стараемся добиться. Творческого развития – и чтобы оно становилось все более Творческим. Сказать вам, о чем я всего сильнее мечтаю? – И мистер Стойт, и Джереми хранили молчание. Тем не менее доктор Малдж пылал решимостью поведать им свои грезы. – О том, что Тарзания превратится в Центр той Новой Цивилизации, коя расцветает здесь у нас, на Западе. – Мяси-стая его длань торжественно взмыла вверх. – Афины Двадцатого Века вскоре появятся в пределах городских границ Лос-Анджелеса. И я хочу, чтобы Тарзанию считали новыми афинским Парфеноном и Академией, новой Стоей и Храмом Муз. Чтобы Религия, Творчество, Философия, Наука, чтобы все они обрели приют в Тарзании, отсюда источая благородный свой свет, которым...

Довершая рассказ о вылазке, Пит наконец сообразил, что слушает его только Помеха. Внимание Вирджинии отвлеклось, сначала незаметно, затем явно и вызывающе, на левый фланг, где доктор Обиспо что-то нашептывал почти в самое ухо той блондинке, что потемнее.

– Вы о чем это там? – окликнула их Вирджиния. Доктор повернулся к ней, снова принявшись шептать. Три головы – набриолиненная черноволосая, в мелких русых завитках и еще одна, с каштановым отливом, – почти касались друг друга. По выражению лиц Пит догадался, что доктор опять рассказывает какую-то из своих похабных историй. Болезненная пустота на месте сердца, исчезнувшая было, когда Вирджиния с пленительной улыбкой попросила его рассказать про Испанию, теперь вернулась, отозвавшись удвоенной тревогой. Боль была особенная, в ней сплетались нежность, отчаяние, чувство утраты, ощущение собственной никчемности и еще страх, что ангела его совращают, а вдобавок другой, более глубокий страх, который он отказывался отчетливо осознать, и страх этот был тот, что о совращении тревожиться уже незачем, потому что ангел на самом-то деле не херувим, которого создало воображение, плененное любовью. Увлекательный его рассказ вдруг сам собою иссяк. Он замолчал.

– А что же потом было? – тормошила его Помеха; на лице ее читались страстный интерес и такое преклонение перед героем, от которого у любого другого приятно защекотало бы в груди.

Он покачал головой.

– Ничего особенного.

– А с маврами, то есть с пленными, вы как распорядились?

– Ну их к черту! – нетерпеливо отмахнулся он. – Вам-то что?

Слова его заглушил неистовый хохот, как будто взрывом разбросавший заговорщицки склоненные одна к другой головы: черноволосую, в русских завитках и ту, с прелестным каштановым отливом. Взглянув на Вирджинию, он увидел, что она корчится от еле сдерживаемого смеха. Что это ее разбирает? – он мучительно пытался понять, насколько она развращена, и в памяти разом всплыли, как бы выкристаллизовавшись и сливаясь воедино, все смачные анекдоты, которые гуляли в его дни по школе, все шуточки, все скабрзные куплеты.

Может, и ее развеселил анекдотец в таком духе? Или что-нибудь вроде этой вот песенки? Или – боже, да неужто – вроде той истории? О нет, взывал он к небесам, только не этой, но чем больше старался он себя убедить, чем горячее молился, тем безнадежнее, сам не зная почему, проникался уверенностью, что эта именно история и была рассказана.

– ...самое важное, – вещал доктор Малдж. – Творческое Созидание в сфере Искусств. Поэтому необходима Художественная Школа, которая была бы достойна Тарзании, достойна величайших традиций нашего...

Истерический женский хохот нарушил чинное спокойствие, своим неистовством точно бы негативно соответствуя строгости принятых в обществе табу. Взор мистера Стойта резко устремился туда, где веселились от души.

– Вы чего это? – подозрительно спросил он.

Он не позволит, чтобы Малышка краснела от грязных шуточек. Когда за столом были дамы, он делался почти так же нетерпим к грязным шуточкам, как, бывало, его бабушка, плимутская сестрица.

– Чего ржете, спрашиваю?

Ответил доктор Обиспо. Со своей всегдашней лощеной вежливостью, воспринимавшейся как издевательство, объяснил, что рассказывает девочкам забавный случай, о котором недавно говорили по радио. Ужасно смешное происшествие. Может, начать сначала, чтобы и мистер Стойт послушал?

Бросив на него сердитый взгляд, мистер Стойт отвернулся.

Скучающая мина на лице хозяина убедила доктора Малджа, что разговор о Художественной школе лучше отложить до другого случая. Жаль, очень жаль, дело-то вроде было совсем на мази. Ладно, не все сразу. В качестве главы колледжа доктор Малдж хронически нуждался в филантропах; о богачах ему было известно все. Известно, в частности, что они похожи на горилл, а тех непросто укрощать, потому что они всегда настороже, вечно чем-то недовольны и отличаются скверным характером. С ними надо действовать без нажима, обращаться нежно, ласково и хитрить на каждом шагу. Причем все равно они способны вдруг ни с того ни с сего обозлиться и показать зубы. Полжизни что-нибудь выклянчивая у банкиров, стальных магнатов и отошедших от дел консервных королей, доктор Малдж выучился сносить маленькие неудачи вроде сегодняшней с истинно философским терпением. Сияя всей своей расплывшейся в улыбке физиономией римлянина имперской поры, он обратился к Джереми:

– А как вам наш калифорнийский климат, мистер Пордейдж?

Вирджиния мельком взглянула на Пита, сразу угадав, чем он расстроен. Бедненький! Но с другой стороны, ей что, вот так и слушать все эти байки про дурацкую войну в Испании, а если не про Испанию, так про лабораторию, а в лаборатории они занимаются вивисекцией, ужас какой-то, ну да, на охоте тоже убивают зверьков, но у них, бедненьких, есть шанс уцелеть, особенно когда стрелок неважный, а она и стрелять-то не умеет, и вообще на охоте так здорово, горы кругом, воздух такой чудесный, а Пит просто кромсает бедненьких мышек у себя в этом противном погребе... В общем, он сильно ошибается, если рассчитывает, что она так вот сядет рядом и уши развесит. Но в общем-то он славный, Пит, а уж влюблен, с ума сойти! Чудесно,

когда так в тебя влюбляются, просто чудесно. Хотя в общем-то надоел он ей уже. Вроде как ты ему чем-то обязана, а он тебе указывать может и вообще лезть с советами. Пит, правда, особенно не лезет, но смотрит, смотрит как – вроде бы ты лишний коктейль выпила, а твоей собаке вздумалось тебя ругать за это. Глазами все говорит, прямо как Хеди Ламар, только у нее, у Хеди, глаза совсем другое говорят, совсем, совсем другое. И сейчас опять вон на меня уставился, а что я такого сделала? Надоела мне эта дурацкая война, вот я и прислушалась, что это там Зиг нашептывает Мери Лу. Ладно, хватит, в общем, никому не позволю объяснять, как мне жить, моя жизнь – это моя жизнь. И мое дело. А он пялится с упреками, ну совсем как дядя Джо, или мамаша, или этот отец О’Рейли. Те, правда, не просто пялятся, те еще говорят, говорят – не остановишь. Хотя вообще-то он все это с лучшими чувствами делает, бедненький, он совсем мальчишка, этот Пит, опыта никакого, а главное, влюблен, как сопляк, как тот школьник в последней картине Дины Дурбин. Бедненький Пит! – опять подумалось ей. Не везет ему, а что поделаешь, никогда ей не нравились такие вот здоровые, красивые парни вроде Кэри Гранта. Ну, не нравятся, и все тут. Он милый, чудесно, что он так ее любит. Но делать нечего.

Встретившись с ним взглядом, она одарила его ослепительной улыбкой и позвала, если найдется свободных полчаса, после ланча поучить ее с девочками, как кидают подкову.

Глава 7

Наконец поднялись из-за стола и начали расходиться. Доктору Малджу предстояла деловая встреча в Пасадене с вдовой владельца треста резиновых изделий – может, та пожертвует тридцать тысяч на спальный корпус для девочек. Мистер Стойт отправлялся в Лос-Анджелес на еженедельное заседание правления, происходившее в пятницу к вечеру, и последующие деловые переговоры. Доктор Обиспо должен был оперировать на кроликах и направился в лабораторию за инструментами. У Пита накопилась груда научных журналов, которые надо просмотреть, но все же он не отказал себе в нескольких минутах счастья, даруемого обществом Вирджинии. А Джереми, разумеется, не терпелось вернуться к бумагам Хоберков. Он шел к себе в подвал, испытывая чувство почти физического облегчения, – так возвращаются туда, где чувствуют себя дома. Он проводил день прекрасно, и с какой пользой! Прошло каких-то два-три часа, когда из кипы бухгалтерских книг и деловых бумаг он выудил еще одну связку писем Молиноса. А также третий и четвертый тома «Фелиции». И кроме того, иллюстрированное издание «*Le Portier des Carmes*»²⁹, а затем под переплетом, напоминающим молитвенник, обнаружилось сочинение редчайшее – «Сто двадцать дней Содома», труд Божественного Маркиза. Истинное сокровище. Вот уж удача, так удача. Впрочем, подумал Джереми, удачи этой вполне можно было ожидать, зная, что за семейство были Хоберки. Судя по году выпуска, книги скорее всего принадлежали пятому графу – тому, который владел титулом полвека с лишним, перевалил за девяносто, а скончался уже при Вильяме IV, и не задумавшись о покаянии. Памятуя, что собою представлял сей старый джентльмен, странно удивляться, обнаружив, какое у него было собрание порнографии, – уж скорее следовало бы предположить, что оно окажется еще богаче.

С каждой новой находкой Джереми окрылялся все больше. Как обычно, – безошибочная примета, что у него хорошее настроение, – он принялся вспоминать песенки, популярные во времена его детства. Письма Молиноса читались под аккомпанемент «Веселеньких девчонок», «Фелицию» и «*Le Portier des Carmes*» он листал, мурлыкая под нос романтическую мелодию «Пчелка на сирени». А когда очередь дошла до «Ста двадцати дней», никогда им прежде не читанных и даже не виданных, сюрприз привел его в такое восхищение, что, раскрыв старый томик по долгу библиографа и обнаружив вместо предполагаемых англиканских песнопений прозу маркиза де Сада с ее ледяным изяществом, Джереми принялся снова и снова повторять вслух стишок, который мать заставила его выучить всего трех лет от роду, – он до сих пор воспринимал эти строчки как символ восторга перед чудом, потому что невозможно достовернее передать радость от нежданного подарка судьбы, от неожиданной улыбки жизни:

– Дружок, вот сладкий пирожок!
– Ах, принеси еще, дружок!

А он, какое счастье, еще и первый не надкусил, вот она, книжечка, толком даже и не открытая, все впереди – и наслаждение, и поучение. Вспомнив, как там, в бассейне, он ощутил укол ревности, Джереми снисходительно усмехнулся. Пусть мистер Стойт заведет себе хоть гарем, первоклассный образчик непристойной прозы восемнадцатого столетия – это вам не какая-нибудь мисс Монсипл. Он закрыл книжечку, не выпуская ее из рук. Сафьяновый переплет – скромно, но до чего элегантно; слово «Молитвенник» вытиснено на корешке золотыми буквами, почти не потускневшими от времени. Он поставил томик на край стола, куда откла-

²⁹ «Дарующий блаженства» Нерсиа.

дывал прочие курьезные вещицы. Сделает все, что на сегодня намечено, – заберет эту коллекцию к себе в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.